

СОВРЕМЕННИКИ О Ф.И. ТЮТЧЕВЕ

Чтобы поэзия процветала — она должна иметь корни в земле.

...я более всего любил в мире: Отечество и поэзию.

Ф. И. Тютчев

СОВРЕМЕННИКИ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ, ОТЗЫВЫ И ПИСЬМА

ТУЛА

ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1984

83.3Р1
Д39

Рецензент
О. Я. Самочатова, доктор филол. наук

К $\frac{70202\text{-}66}{М154(03)\text{-}84}$ 57.84.460301020

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книги о жизни замечательных людей пользуются успехом у самых широких кругов читателей. Это объяснимая тяга к познанию богатейшей культуры нашего Отечества, беззаветная любовь к его разносторонним талантам. Один из них — уроженец брянской земли, великий русский поэт Федор Иванович Тютчев.

С каждым годом растет число исследовательских работ о творчестве Ф. И. Тютчева[1], в то время как биографический портрет поэта еще мало известен не только рядовому советскому читателю, но и такой аудитории, как учителям и преподавателям русского языка и литературы. В настоящее время основные биографические сведения о Ф. И. Тютчеве мы черпаем из трудов известного литературоведа, правнука поэта, Кирилла Васильевича Пигарева[2]. Изданная в 1886 году книга публициста и поэта, зятя Ф. И. Тютчева, Ивана Сергеевича Аксакова «Биогра-

---

[1] Наиболее капитальными за последние годы являются книги: Озеров Л. «Поэзия Тютчева». (М., 1975); Горелов А. «Три судьбы». («Вещая душа. Ф. Тютчев». Л., 1976, с. 11—173); Касаткина В. Н. «Поэзия Ф. И. Тютчева». (М., 1978); Григорьева А. Д. «Слово в поэзии Тютчева». (М., 1980); Осповат А. Л. «Как слово наше отзовется...». (М., 1980); «В Россию можно только верить...». «Ф. И. Тютчев и его время». Сборник статей. (Тула, 1981).

[2] «Жизнь и творчество Тютчева». (М., 1962) и «Ф. И. Тютчев и его время». (М., 1978). Сейчас готовятся к печати тютчевский том «Литературного наследства», в серии «Жизнь замечательных людей» книга Кожинова В. В. «Тютчев», роман-хроника писателя Ю. Когинова «Вещая душа».

фия Федора Ивановича Тютчева»[3], так же, как и первая публикация ее в журнале «Русский архив» (1874, кн. 2), уже давно стали библиографической редкостью. Много разбросанного отдельными крупицами материала мемуарного характера содержится в малотиражных, не всем доступных источниках и в различных периодических изданиях[4].

Ф. И. Тютчев не оставил нам ни автобиографии, ни воспоминаний, ни записок, ни дневников. К большому счастью, мы располагаем обширным эпистолярным наследием поэта — более 1200 писем его, находящихся в архивах и музеях страны. И хотя в наиболее полном на сегодня источнике (Тютчев Ф. И. Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1980) опубликовано 172 письма Тютчева, тем не менее по ним уже можно составить себе яркий портрет одного из образованнейших людей своего времени, узнать об удивительно богатой человеческой душе.

Настоящий сборник является первой попыткой объединить разбросанные в разных источниках отрывки из воспоминаний, писем и отзывов современников о Ф. И. Тютчеве. Основными источниками для разыскания материалов послужили сначала тютчевская библиографическая картотека составителя, а затем и вышедшая в 1978 году под редакцией

---

[3] Отрывок из книги помещен в издании: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. «Литературная критика». (М., 1981, с. 285—354).

[4] Самыми интересными и насыщенными по фактическим сведениям являются: Брюсов В. «Ф. И. Тютчев. Летопись его жизни».— Ж-л «Русский архив». (1903, кн. 3, № 11, с. 481—498, № 12, с. 641—652; 1906, кн. 3, с. 310—320); «Тютчевиана. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева». (М., 1922); «Тютчевский сборник. 1873—1923». (Пг., 1923); «Федор Иванович Тютчев в письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову. 1866—1871». (Л., 1925); «Мурановский сборник». Вып. 1. (Мураново, 1928); «Урания. Тютчевский альманах. 1803—1928». (Л., 1928); Чулков Г. «Последняя любовь Тютчева». (М., 1928); Чулков Г. «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева». (М.— Л., 1933) и др.

К. В. Пигарева книга «Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818—1973». (Составители И. А. Королева, А. А. Николаев.)

Книга не претендует на всестороннее отображение жизни Тютчева, его творческой и общественной деятельности, а рисует лишь отдельные черты характера поэта в различные периоды жизни через призму родных и друзей, многочисленного его окружения. Как поэта Тютчева характеризуют отклики критики и писателей — его современников. В сборник включены наиболее ценные по объему и достоверности сведения. Некоторая часть воспоминаний и отзывов о поэте печатается по их первым публикациям, другие — по более поздним изданиям, но в примечаниях даны ссылки на первоисточники. Ввиду скудности мемуарных материалов о поэте использована переписка современников, выражавших свое к Тютчеву отношение. В издание вошли только опубликованные в печати тексты.

Материалы книги разбиты на два раздела. В первом приводятся воспоминания современников, наиболее близко знавших Ф. И. Тютчева — родных, друзей и сослуживцев. Второй раздел составляют, главным образом, отзывы и воспоминания о поэте писателей, критиков, публицистов и деятелей искусства. Внутри каждого из разделов материалы, где возможно это было сделать, расположены в хронологической последовательности. Даты в текстах воспоминаний и писем современников приведены по старому стилю. В приложении впервые вместе собраны некрологи о поэте и поэтический «Венок Тютчеву» от современников. «Родословное древо семьи Тютчевых» подготовлено и оформлено составителем сборника.

В примечаниях сообщаются краткие сведения об авторах воспоминаний, комментируются отдельные факты из их взаимоотношений с Ф. И. Тютчевым, уточняются некоторые события и эпизоды в жизни и творчестве поэта. Почти все тексты сборника печатаются с сокращениями.

Большую признательность за чуткое внимание в процессе отыскания материалов для книги выражаю **О. Г. Самыгиной** (Государственная библиотека име-

ни В. И. Ленина), **Е. Н. Ивановой, И. Н. Курбатовой, В. Ф. Петровой, Т. Н. Семеновой** (Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), **Л. П. Видасевой, В. Л. Лозовик, Л. М. Филичевой** (Брянская областная научная библиотека). Особенно благодарен за ценные советы при определении содержания, его структуры, состава авторов, а также за моральную поддержку доктору филологических наук, профессору Брянского государственного педагогического института **О. Я. Самочатовой.**

* * *

В 1983 году исполнилось 180 лет со дня рождения Федора Ивановича Тютчева, имя которого, по свидетельству П. Н. Лепешинского[5], пользовалось «преимущественным благорасположением» Владимира Ильича Ленина. Ф. И. Тютчев стал всенародно признанным поэтом, а его небольшие томики стихотворений сегодня можно увидеть на полке у всех любителей русской поэзии. Бесценный дар его поэтического таланта восхищает своей свежестью и новизной. Для многих советских поэтов он первый и самый любимый Учитель. Далекий потомок Тютчева, его земляк, поэт Евгений Винокуров пишет: «...мир Тютчева не замкнут, он весь динамика, весь становление, весь в поступательном движенье. ...Чем же близок Тютчев нам, людям XX века, века неслыханных открытий, научных дерзаний, века покорения космоса? Он дорог нам тем, что вселяет в нас ощущение беспредельности мира, его величия, его тайны. ...Тютчев учит понять мир и понять себя»[6].

Еще и еще раз подтверждаются слова великого современника поэта Ивана Сергеевича Тургенева: «О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии»[7].

---

[5] Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955, с. 112.
[6] Винокуров Е. Избранные произведения. Т. 2. М., 1976, с. 401.
[7] Тургенев И. С. Письма. Т. 3. М.—Л., 1961, с. 254—255.

СРЕДИ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ

С. Е. Раич[1]

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

(...) Из дома Н. Н. Шереметевой[2] поступил я в дом И. Н. Тютчева, родного ее брата; здесь провидению угодно было вверить моему руководству Ф. И. Тютчева, вступившего в десятый год жизни. Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим,— так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!

(...) я успел приготовить ученика своего к университету, посещал с ним частные лекции А. Ф. Мерзлякова[3] и слушал профессоров словесного факультета. Это время было одной из лучших эпох моей жизни. С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весною и летом, живя в подмосковной, мы вдвоем с Ф. И. выходили из дому, запасались Горацием[4], Вергилием[5] или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии!

(...) Около года никому не показывал я опытов моих в переводах, кроме Ф. И. Тютчева, вкусу которого я вполне доверял: необыкновенно даровитый от природы, он был

уже посвящен в таинства Поэзии и сам con amore* занимался ею; по тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом. (...)

В 1819 г., или около этого времени, расставшись с Ф. И. Тютчевым, вышедшим из Университета кандидатом и отправившимся в Германию к миссии[6], вступил в дом Н. Н. М.[7].

М. П. Погодин[1]

ВОСПОМИНАНИЯ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Еще одним умным, характерным, оригинальным человеком стало у нас меньше. Потеря чувствительная на нашем роковом безлюдье. (...) Кто не знает в Петербурге и Москве, в высших и образованных кругах Федора Ивановича Тютчева?

Низенький, худенький старичок, с длинными, отставшими от висков, поседевшими волосами, которые никогда не приглаживались, одетый небрежно (...); вот он входит в ярко освещенную залу, музыка гремит, бал кружится в полном разгаре (...). Старичок пробирается нетвердою поступью близ стены, держа шляпу, которая сейчас, кажется, упадет из его рук. Из угла прищуренными глазами окидывает все собрание... Он ни на чем и ни на ком не остановился, как будто бы не нашел, на что нуж-

* С любовью *(итал.)*.

но обратить внимание... к нему подходит кто-то и заводит разговор... он отвечает отрывисто, сквозь зубы... смотрит рассеянно по сторонам... кажется, ему уже стало скучно: не думает ли он уйти назад... Подошедший сообщает новость, только что полученную, слово за слово, его что-то задело за живое, он оживляется, и потекла потоком речь увлекательная, блистательная, настоящая импровизация... ее надо бы записать... вот он роняет, сам не примечая того, несколько выражений, запечатленных особенною силой ума, несколько острот едких, но благоприличных, которые тут же подслушиваются соседями, передаются шепотом по всем гостиным, а завтра охотники спешат поднести их знакомым, как дорогой гостинец: Тютчев вот что сказал вчера на балу у княгини N...

Низенький, худенький старичок, написал я, и сам удивился, как представился он в воображении, как в первый раз пришел я к нему, университетскому товарищу, на свидание во время вакаций пешком из села Знаменского, под Москвой, на серпуховской дороге, в Троицкое, на калужской, где жил он в своем семействе... молоденький мальчик, с румянцем во всю щеку, в великолепном сюртучке, лежит он, облокотясь на диване, и читает книгу. Что это у вас? Виландов[2] Агатодемон[3]. Или вот он на лекции в университете, сидит за моею спиной на второй лавке, и, слушая Каченовского[4], строчит на него эпиграммы (они у меня целы). Вот я пишу ему ответы на экзамен

к Череданову из истории Шрекка, о Семирамиде и Навуходоносоре, ему, который скоро будет думать уже о Киплинге и Меттернихе.

Кончив курс, Тютчев попал на службу в Мюнхенское посольство. Помню, как на первых порах приезжал он оттуда повидаться с родными[5] и привез первые опыты Виктора Гюго и Ламартина, входившего в славу.

Мы расстались надолго. В Германии прожил он лет двадцать сряду[6]. Воротясь в отечество, поселился в Петербурге. Услышав его в первый раз после всех странствий, заговорившего о славянском вопросе, я не верил ушам своим; я заслушался его, хоть этот вопрос давно уже сделался предметом моих занятий и коротко был мне знаком. Как на самом деле мог он, проведя молодость, половину жизни за границей, не имея почти сообщения с своими, среди враждебных элементов, живущий в чуждой атмосфере, где русского духа редко бывало слышно, как мог он, барин по происхождению, сибарит по привычке, ленивый и беспечный по природе, ощутить в такой степени, сохранить, развить в себе чистейшие русские и славянские начала и стремления? Этого мало; сблизившись с ним впоследствии больше, имел случай познакомиться короче с его задушевными мыслями, услышав его мнения, я удостоверился, что никто в России не понимает так ясно, что не убежден так твердо, не верит так искренно в ее всемирное, общечеловеческое призвание, как он. Многие имеют, может быть, мысли

более или менее верные о разных предметах, сюда относящихся, но никому не представлялись они в таком цельном виде, (...), как ему. Как это случилось — это принадлежит к числу удивительных явлений русской жизни и русской истории. (...)

Что если бы с таким верным взглядом, с такою ясною мыслью, с таким живым чувством, при его разнообразных, обширных познаниях, соединял он деловитость, практичность? Но, видно, дары духа бывают разные, и никому не даются они в совокупности, (...). Тютчев, многополезный советник, верный ценитель и судья, (...), не был способен к постоянному занятию, к срочной работе, к строгому исполнению определенной обязанности. (...) Настоящею службой его была беседа в обществе! (...)

П. В. и И. В. Киреевские[1]

ИЗ ПИСЬМА П. В. КИРЕЕВСКОГО

Матери, 1830

(...) У Тютчева, (...) я бываю непременно два раза в неделю и люблю его и все его семейство за их ум, образованность и необыкновенную доброту. Они принимают меня и со мною обходятся так, как добрее и внимательнее нельзя... С Тютчевыми видаюсь довольно часто, и мы, как кажется, сошлись как нельзя лучше.

ИЗ ПИСЕМ И. В. КИРЕЕВСКОГО

Домой в Москву, 1830

(...) Оба брата и жена Федора Ивановича очень милые люди, и покуда здесь, я надеюсь видеться с ними часто. Жаль для моего брата, что они едут в Россию. Они нравятся и ему, что, впрочем, вы могли заметить из его писем.

(...) Тютчевы уехали 28 (апреля.— *В. Д.*) в Россию. Если вы увидите их отца[2], то поблагодарите его хорошенько за сына: нельзя быть милее того, как он был с Петрухою, который (...) здесь был разом совершенно обезоружен тютчевским обхождением. Желал бы я, чтобы Тютчев совсем остался в России. Он мог бы быть полезен даже только присутствием своим, потому что у нас таких людей Европейских можно счесть по пальцам.

Эл. Ф. Тютчева

ИЗ ПИСЕМ

Н. И. Тютчеву[2], 13 июня 1833 г.

(...) Понимаете ли вы, что случилось? Нет... Это начало конца... Это приезд Гагарина[3] и отъезд славного Потемкина[4], столкновение прощальных слез с чувством стесненности в новоприбывших, лица, взаимно изучающие окружающих и стесняющиеся друг перед другом, нетерпеливое ожидание, нечто неопределенное, бесформенное, неясное, выжидательное — все это удручает,

как кошмар. Вы знаете Теодора[5] и я прошу вас прийти мне на помощь... Вы один можете повлиять на эту безрассудную голову. (...) я сознаю тысячу и одно преувеличение, которые он себе создает, но у меня не хватает сил сопротивляться его дурному расположению духа, его удрученности. (...) Гагарин здесь только третий день, поэтому невозможно сказать что-либо об его характере, но, правда, в нем есть что-то сухое, холодное, (...). Вам известен характер вашего брата, и я боюсь, что такое поведение осложнит их отношения. Обоюдная холодность и стесненность сделают всякое сближение невозможным, и эта перспектива приводит меня в отчаяние.

Н. И. Тютчеву, 5 декабря 1836 г.

(...) Вы знаете, что такое Теодор, когда он скучает. Вы знаете, как он вас любит и какое влияние вы можете оказать на эту натуру, столь вам знакомую... Он охотно бы поговорил с вами обо всем. Вы его брат, его единственный друг.

Е. Л. Тютчевой[6], 4 февраля 1837 г.

(...) Если бы вы могли его видеть таким, каким он уже год, удрученным, безнадежным, больным, затрудненным тысячью тягостных и неприятных отношений и какой-то нравственной подавленностью (...), и не будучи в состоянии от этого отделаться, вы убедились бы, так же, как и я, что вывезти его отсюда волею или неволею — это спасти его жизнь. (...) я, связанная с этой стра-

ной столькими узами дружбы, я принуждена сказать, что пребывание здесь для меня невыносимо; судите, что же это для него, не имеющего здесь почвы в настоящем и ничего в будущем.

Н. И. Тютчеву, 15 декабря 1837 г.

(...) вы один можете говорить с ним и вразумить его; ради бога, напишите ему немедленно, заставьте его понять, что его болезненное воображение[7] сделало из всей его жизни припадок горячки. (...) Никто не понимает, никто не может себе представить, как он страдает, а говорить, что это по его собственной вине, это значит укором заменить сострадание.

Е. Л. Тютчевой, 4 августа 1838 г.

(...) Я не решаюсь говорить о моих заботах[8] Теодору, я нахожу его таким убитым, не знаю, что этому причиной: климат или одинокий образ жизни, который он должен вести здесь, но я думаю, что и то, и другое вместе вызывают в нем раздражительное и меланхолическое настроение, которое вам известно.

В. А. Жуковский[1]

ИЗ «ДНЕВНИКА»

[1838]

13 октября. (...) Я прежде знал его ребенком, а теперь полюбил созревшим человеком... Он человек необыкновенно гениаль-

ный и весьма добродушный, мне по сердцу.

(...) встретился с Тютчевым. Горе и воображение[2].

14 октября. (...) Во время плавания рисование и приятный разговор с Тютчевым. (...) Он горюет о жене, которая умерла мученическою смертью (...).

[1839]

7 февраля. (...) За обедом — подле Тютчева, который опять Карамзин духом.

ИЗ ПИСЬМА П. А. ПЛЕТНЕВУ

1848

(...) Было, однако, для меня и раздолье, когда со мною жил Гоголь; он подливал в мой огонек свое свежее масло; и еще — когда я пожил в Эмсе[1] с Хомяковым[2] и с моим милым Тютчевым.

П. А. Плетнев[1]

ЗАПИСКА О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ СТАТСКОМ СОВЕТНИКЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ ТЮТЧЕВЕ[2]

(...) Он (Тютчев.—*В. Д.*) только в последний год жизни Пушкина в первый раз напечатал в «Современнике» несколько своих стихотворений, хотя, конечно, мог бы с ним вместе начать этот путь счастливой деятельности. Еще живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин

встретил неожиданное появление этих стилей; яркости красок, новости и силы языка. Во всем была ощутительна свежая кисть художника. Он каждому предмету сообщает ясный образ, привлекательное положение и удивительную грацию. В изданиях его нет того повторения приготовленных предшественниками форм поэзии, которое, свидетельствуя о бессилии дарования, успокаивает автора близостью труда его к современному успеху.

(...) Ф. И. Тютчев умел устроить из первоначальных своих опытов потаенную лестницу, по которой поднялся на высоту прочного успеха. (...)

В литературе нашей смотрят на Ф. И. Тютчева только как на одного из лучших Русских поэтов. Но молодое поколение писателей успело уже убедиться, какой тонкий и высокий критический ум соединяется в нем с поэтическим талантом. (...) Если бы когда-нибудь можно было, в дополнение к небольшому числу изданных им сочинений, присоединить все, чем он увлекает внимательный ум как публицист, как философ, как историк и даже юрист, то без сомнения в его лице представился бы нам замечательнейший человек нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современных знаний.

Второе Отделение Академии наук почитает своею обязанностью обратить внимание прочих Отделений на дарования и литературные успехи Ф. И. Тютчева, желая укра-

сить список членов Академии новым блистательным именем[4], (...).

ИЗ ПИСЕМ П. А. ПЛЕТНЕВА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

8 сентября 1849 г.

(...) О Ф. И. Тютчеве ко мне не дошло никаких сведений. Я даже не знаю, возвратился ли он из деревни своей. Постараюсь, однако же, проведать о нем. Без него, зимою, я не знаю, куда и голову приклонить.

6 января 1855 г.

(...) Тютчева я вижу редко. На минуту сталкиваемся у Смирновой[1]. И она и он не переменились: одна все полубольна, другой все спешит куда-то.

17 июля 1865 г.

(...) Положение Ф. И. Тютчева я нахожу очень тяжелым для него[2], и сомневаюсь, чтобы пребывание в деревне помогло ему сколько-нибудь. В Москве и даже в Петербурге он, по-моему мнению, скорее нашел бы для себя некоторое приятное развлечение, без чего он не может жить.

ИЗ ПИСЕМ П. А. ПЛЕТНЕВА В. А. ЖУКОВСКОМУ

3 января 1850 г.

(...) Ф. И. Тютчев совсем невидим. Я только в один вечер поймал его у него дома. Он так невластен над собою, что вер-

но и тогда не может свидеться, когда даже располагается.

28 марта 1850 г.

На днях провел я вечер у Тютчева вдвоем с ним. Этот человек для меня самый интересный. Три часа с ним показались мне минутою. Если к его таланту и сведениям, к его душе и поэтическому чутью придать привычку правильной и трудолюбивой жизни, он был бы для нашей эпохи светилом ума и воображения. (...) какое было бы счастье увидеть в одном месте совокупленными таких людей, как он, Вяземский и вы!

А. Ф. Тютчева[1]

ИЗ «ДНЕВНИКА»

5 мая [1853]

(...) Мое несчастье — это моя семья. В ней господствует дух уныния, отрицания и сплина*, благодаря которым жизнь превращается в непрерывную пытку. Никто из нас не умеет пользоваться маленькими радостями жизни, но зато мы превосходно умеем, благодаря неуживчивости и резкости характера, превращать мелкие жизненные невзгоды в настоящие несчастия.

(...) во всех нас очень мало участливости и полное отсутствие сердечной простоты. (...) Вот, что я так ценю и люблю в маме[2] — в ней так сильно чувство долга, хотя крайняя слабость ее воли и капризный ха-

* Уныние, хандра.

рактер часто сбивают ее с пути. (...) хандра мамы, софизмы** отца, который весь — воплощенный парадокс (...).

15 мая [1853]

(...) в своих близких я вижу только, о чем скорбеть или что извинять. В них я не нахожу ни нравственной силы, ни чувства долга, ни принципов, ни воли, никакой твердой и прочной опоры, ни покоя, ни ясного духа... Встречи с семьей меня расстраивают и мучат...

14 ноября [1853]

Отец провел у меня вчерашний день. Он с головой увлечен столами, не только вертящимися, но и пророчествующими[3]. (...) Странно, что дух этого стола, как две капли воды, похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог. Этот стол очень остроумный, очень вдохновенный, но его правдивость и искренность возбуждают во мне некоторые сомнения. Мы часто говорили об этом столе, отец страшно рассердился на меня за мой скептицизм, и хотя я отстояла независимость своего мнения, однако душа моя была очень смущена (...). Какая разница между натурой моего отца, его умом, таким пламенным, таким блестящим,

---

** Формально кажущиеся правильными, но ложные по существу умозаключения, основанные на преднамеренно неправильном подборе исходных положений. (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1972, с. 692).

таким острым, парящим так смело в сферах мысли и особенно воображения, но беспокойным, не твердым в области религиозных убеждений и нравственных принципов...

15 марта [1855]

...Мой отец волнуется, мучится и пребывает в очень мрачном настроении из-за оборота, который принимает наше политическое положение...

3 сентября [1855]

(...) Мой отец только что приехал из деревни, ничего еще не подозревая о падении Севастополя[4]. Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы (...).

24 ноября [1855]

Был день рождения моего отца (...). В каждом из нас чувствуется глубокая затаенная грусть, в папе и в маме — разочарование в жизни и во всем; (...).

...вся атмосфера дома мрачная и тяжелая, как там, где никогда не светит солнце...

Е. А. Денисьева[1]

ИЗ ПИСЕМ М. А. И А. И. ГЕОРГИЕВСКИМ[2]

31 мая [1864]

(...) Мой Божинька скучает, все его знакомые уезжают один за другим и ему очень недостает вашего общества, дорогой Александр, которое он так любит. Я хотела бы поправиться скорее не столько для себя, сколько для него. Это мой Людовик XIV неразвлекаемый. (...)

1 июня [1864]

(...) Фед. Ив. получил письмо Китти[3]. Его настойчиво требуют. Он должен решиться ехать. Его брату необходимо видеть его по делу. Все это меня раздражает и мешает мне поправиться.

5 июня [1864]

(...) моя дочь[4] и отец ее (...) каждый вечер едут вдвоем на Острова, то в коляске (...), то на пароходике; они кончают свои вечера всегда тем, что едут есть мороженое и не возвращаются никогда раньше полночи. (...)

А. В. Никитенко[1]

ИЗ «ДНЕВНИКА»

1866

[Октябрь] 23. Воскресенье. (...) Тютчев Ф. И. в заседании (...) Совета (по де-

лам печати. — *В. Д.*) справедливо заметил, что литература существует не для гимназистов и школьников, и что нельзя же ей давать детское направление. Тогда пришлось бы ограничиться одними букварями и учебниками.

1867

[Январь] 29. Воскресенье. Вечер у Тютчева. Писемский[2] читал свою трагедию «Гладкий» из времен Бирона (...).

[Апрель] 19. Среда. Зашел поутру к Тютчеву, Федору Ивановичу; он болен уже две недели, страдает ногами. Мы побеседовали с ним довольно долго. Все одно и то же — мрачно всюду, глухо всюду!

1868

[Март] 1. Пятница. Вечер у Боткина, Василия Петровича[3]. Граф А. К. Толстой[4] читал свою новую драму — «Царь Федор Иоаннович». Тут были Гончаров, Костомаров[5], Майков[6], Стасюлевич[7], Тютчев Федор Иванович.

1869

[Декабрь] 28. Воскресенье. (...) Старик Тютчев разразился стихами, которые напечатаны в «Голосе»[8].

1870

[Март] 26. Четверг. Вечер у Ф. И. Тютчева. Гостей было довольно. (...) На вечере были читаны славянофильские стихотворения: Тютчева («Гусс»), Майкова и Полон-

ского («Симеон Болгарский»), (...). Все они недурны, особенно стихотворение Тютчева.

1873

[Январь] 7. Воскресенье. (...) На днях случился удар с бедным Ф. И. Тютчевым. У него отнялся левый бок и язык. Но Бессер (доктор) говорит, что он выкарабкается из этой беды, хотя не без потери сил. (...).

[Апрель] 12. Четверг. (...) Посещал некоторых знакомых; был у Тютчева. Последний все еще лежит с парализованною половиною тела. Но голова его свежа, как у здорового. Говорит он тоже почти свободно, с маленькою запинкою. Но на выздоровление его нет надежды.

[Май] 30. Среда. Ездил в Царское Село навестить бедного больного Тютчева. Положение его самое плачевное. Половиною тела он совсем не владеет, но голова свежа и умственные отправления все как следует. В произношении он немного и едва заметно затрудняется. Он совершенно остался одиноким: все его близкие и друзья разъехались на лето. Из домашних я никого не видел, кроме сиделки да лакея, которые за ним ухаживают, и, кажется, усердно. Он чрезвычайно был рад моему посещению. Поговорили о литературе, о Франции и о Тьере. (...)

[Июнь] 9. Суббота. Навещал больного Тютчева. Бедный, он более еще страдает нравственно, чем физически...

[Июль] 2. Понедельник. Был у Тютчева.

К нему возвратилось сознание, но он очень слаб и едва может произнести несколько слов — так язык его поражен. Жена его, Эрнестина Федоровна, почтенная старушка, которую я в первый раз видел, очень была, по-видимому, рада моему приезду. Он спрашивал вчера обо мне. Меня ввели к нему. Лицо его очень изменилось. Он протянул мне свою исхудалую руку и с большим трудом сказал несколько фраз. Я пробыл у него минуты три, боясь обеспокоить. Он и жена его просили меня заезжать к ним еще. (...)

[Июль] 17. Вторник. Приехав из города, я прочитал в газетах о кончине Ф. И. Тютчева. Он скончался в воскресенье, а похороны назначены завтра; приглашают на вынос из квартиры в Новодевичий монастырь в 9 часов утра.

18. Среда. (...) Ровно в 9 часов сегодня я был у квартиры покойного: тут мне сказали, что он давно уже увезен на железную дорогу, чтобы быть оттуда отправлену в Новодевичий монастырь. Я помчался туда и увидел только дым удаляющегося поезда... (...) мне не удалось поклониться праху человека, которого я так любил и который делил со мною одним последние убогие крохи своей жизни.

Д. В. Григорович[1]

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

(...) В его (графа М. Ю. Виельгорского[2]. — *В. Д.*) гостиной, раз в неделю, в на-

значенный день, можно было встретить всех знаменитых певцов, композиторов, актеров и также светских и придворных дам. Разговор происходил почти исключительно на французском языке. Постоянным посетителем этих вечеров был известный поэт Ф. И. Тютчев, прославившийся также едкостью своего остроумия. Можно было бы составить целый том из того, что сказано было Тютчевым (...). Но мы вообще мало дорожим своим добром, ничего почти не собираем и не прибeрегаем (...).

В. П. Мещерский[1]

ИЗ «МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

(...) Семью Тютчевых я помню с детства, как одну из самых близких к нашей семье и прежде к карамзинской семье. Душой и сердцем этой семьи была прелестная Эрнестина Федоровна[2], вторая жена Ф. И. Тютчева, поэтичная и высокая женщина, в которой ум, сердце и прелесть женщины сливались в одно гармоничное и грациозное целое... Сам Федор Иванович Тютчев был чем-то вроде витающего духом в своей семье... Он всюду казался случайно залетевшею птичкою, и дома, в своей прекрасной и симпатичной семье, тоже... Из многих оригинальных типов той эпохи, мною виденных, Ф. И. Тютчев помнится мне как самый оригинальный.

Он был олицетворением и осуществлением поэта в жизни: реальная проза жизни

для него не существовала... Он жизнь свою делил между поэтическими и между политическими впечатлениями и, отдаваясь им, он мог забывать время, место и подавно такие прозаические вещи, как еду, сон, или такие стесняющие свободу вещи, как аккуратность, дисциплина, придворный этикет... (...)

Свои прелестные стихи, как и свои прелестные слова, Тютчев ронял, как цветы мгновенного вдохновения... Он не знал, что значит сочинять стихи; они создавались в ту минуту, как созвучием нужно было высказать мысль или чувство, наскоро он набрасывал их на клочке бумаги, и затем ронял, позабывая о них, на пол, а жена его подбирала; или он вдруг импровизировал, а жена его записывала выливавшиеся из души его мысли и чувства в стихах. Как-то раз, вернувшись домой под проливным дождем, Тютчев стоял в своем кабинете, терпеливо глядя, как камердинер под надзором жены снимал замоченный сюртук... Стоит и с уст его падают те прелестные стихи: «Слезы людские»[3], которые он так поэтично уподоблял каплям дождя.

Точно также падали с уст его умные слова... Он говорил медленно, изящно и спокойно... Но тогда, когда его задевали за живое русское чувство или когда кто-нибудь его раздражал своими суждениями, он выходил из себя и говорил с огнем...

(...) Тютчев любил солнце; помню, как вчера, его живописную позу, на Невском проспекте, летом, в сильнейший зной, он си-

дит развалившись на скамейке дворника, у дома армянской церкви, где он жил, на панели, и читает газеты. Помню тоже, как, уходя от меня однажды вечером, он берет первую попавшуюся шубу и говорит лакею: все равно, скажите хозяину этой шубы, что я ее принял за свою. (...)

Тютчев был глубоко русский человек в своих политических убеждениях, и в то же время глубоко искренний. (...), а в силу его глубокой искренности он не знал, что значит неискренняя речь... (...)

Самым оригинальным и прелестным зрелищем в то время (в 60-е годы. — *В. Д.*) были беседы и общение князя Вяземского с его другом Тютчевым... Тютчев, со своими белыми волосами, развевавшимися по ветру, казался старше князя Вяземского, но, находясь перед князем Вяземским, он казался юношей по темпераменту... Бывало, Тютчев приходил к горячо им любимому князю Вяземскому отвести душу, и сразу рисуется прелестная картина: безмятежного, с умным лицом, где добрая улыбка попеременно сменяется ироническою усмешкою, старика князя Вяземского, и пылающего своим вдохновением или своею главною заботою минуты старика Тютчева. Тютчев усаживался, как всегда, уходя в кресло, князь Вяземский сидит прямо в своем кресле, покуривая трубку, и Тютчев начинает волноваться и громить своим протяжным и в то же время отчеканивающим каждое слово языком в области внешней или внутренней политики. А князь Вязем-

ский только с перерывами издает звуки вроде: гм... пускает из трубки дым, такой же спокойный, как и он, и когда Тютчев окончит свою тираду, вставляет в промежуток между другою тирадою какое-нибудь спокойное или остроумное размышление, и как часто с единственною заботою оправдать или извинить, после чего Тютчев, как бы ужаленный этим спокойствием, уносится еще дальше и еще сильнее в область своих страстных рассуждений. Изумительно кроткая терпимость была отличительною чертою князя Вяземского. Нетерпимость была отличительною чертою его друга Тютчева. (...)

Валуев[4] собирает экстренное заседание совета по делам печати и, к общему членов удивлению, является сам на нем председательствовать. (...) ...все члены смолчали... Все, да, за исключением *одного.*

Этот один был председатель комитета иностранной цензуры Ф. И. Тютчев, который объявил в совете, что он ни с требованием министра, ни с решением совета согласиться не может, затем встал и вышел из заседания, потряхивая своею беловолосою головою и, вернувшись домой, написал и послал Валуеву свою отставку[5].

Заседавший тут же писатель И. А. Гончаров встал и, подойдя к Тютчеву, пожал ему с волнением руку и сказал: «Федор Иванович преклоняюсь перед вашей благородною решимостью и вполне вам сочувствую, но для меня служба — насущный хлеб старика».

(...) 1873 год начался известием о смерти Наполеона III. С этим событием, не произведшим в Петербурге никакого особенного действия, для меня связалось одно тяжелое впечатление, — это начало предсмертной болезни, унесшей несколько месяцев спустя в могилу дорогого и милого поэта Ф. И. Тютчева.

Утром он пришел ко мне. Сразу я заметил необычное в нем состояние: какую-то лихорадочность в движениях и какое-то взволнованное состояние, столь резко различавшееся от обычного невозмутимого внешнего и внутреннего спокойствия прелестного поэта. Войдя, он сказал мне, что принес стихотворение на смерть Наполеона III[6]. Затем он достал, как всегда, клочок бумаги, на котором каракулями были изображены стихи, и начал читать.

Во время чтения с ним, очевидно, сделался первый удар: он не мог уже разбирать своего почерка и затем не мог уже плавно произносить слова...

Чтение прервалось; я испугался его состояния, усадил его, успокоил, он немного как будто очнулся; но при этом сказал: «Плохое предзнаменование» (по-французски. — *В. Д.*). Затем его усадили на извозчика, и он вернулся домой... Увы, это было началом его кончины... Летом его не стало...

Стихотворение это было последним стихотворением Тютчева.

В. А. Соллогуб[1]

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

(...) он был одним из усерднейших посетителей моих вечеров; он сидел в гостиной на диване, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев. Остроумные, нежные, колкие, добрые слова, точно жемчужины, небрежно скатывались с его уст. Он был едва ли не самым светским человеком в России, но светским в полном значении этого слова. Ему были нужны, как воздух, каждый вечер, яркий свет люстр и ламп, веселое шуршанье дорогих женских платьев, говор и смех хорошеньких женщин. Между тем его наружность очень не соответствовала его вкусам; он был дурен собою, небрежно одет, неуклюж и рассеян; но все, все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкали, и во всей комнате только и слышался голос Тютчева; я думаю, что главной прелестью Тютчева в этом случае было то, что (...) в них (рассказах. — *В. Д.*) не было ничего приготовленного, выученного, придуманного. Соперник его по салонным успехам, князь Вяземский, хотя обладал редкой привлекательностью, но никогда не славился этой простотой обаятельности, которой отличался ум Тютчева. (...)

3 Заказ № 5948

Ф. Ф. Тютчев[1]

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ[2]

(Материалы к его биографии)

Федор Иванович Тютчев скончался 15-го июля 1873 года, когда мне было 13 лет. Хотя последние 2,5 года я виделся с ним не более двух раз, но, тем не менее, в памяти моей его образ запечатлелся очень живо. Как теперь, вижу перед собой его невысокую, тщедушную фигуру, с слегка приподнятыми плечами, его бледное, гладко выбритое, худощавое лицо, с огромным обнаженным лбом, вокруг которого, падая на плечи в хаотическом беспорядке, вились мягкие, как пух, и белые, как снег, волосы. Лицо его... но разве можно описать лицо Федора Ивановича так, чтобы человек, не видевший его никогда, мог представить себе это особенное, не поддающееся никакому описанию выражение?.. Это не было только человеческое лицо, а какое-то неуловимое, невольно поражающее каждого, сочетание линий и штрихов, в которых жил высокий дух гения и которые как бы светились нечеловеческой, духовной красотой. На плотно сжатых губах постоянно блуждала грустная и в то же время ироническая улыбка, а глаза, задумчивые и печальные, смотрели сквозь стекла очков загадочно, как бы что-то прозревая впереди. И в этой улыбке, и в этом грустно ироническом взгляде сквозила как бы жалость ко всему окружающему, а равно и к самому

себе. Если человеческая душа, покинувшая бренную оболочку, имела бы свою физиономию, она бы должна была смотреть именно такими глазами и с такой улыбкой на брошенный ею мир.

Спешу оговориться, да не подумает читатель, что в выражении лица Федора Ивановича Тютчева было что-либо пренебрежительное, а тем более презрительное по отношению к окружающему его, отнюдь не бывало. Чувства пренебрежения и презрения были совершенно неведомы его светлой душе, как они были бы неведомы какому-нибудь духу, если бы таковой мог жить среди людей. Читая в душах и в умах, окружающих его, как в раскрытой книге, видя недостатки и пороки ближних, будучи сам преисполнен всевозможных человеческих слабостей, которые он ясно сознавал в себе, но от которых не в силах был и даже не хотёл избавиться, Федор Иванович никогда никого не осуждал, принимая человечество таким, каково оно есть, с каким-то особенным, невозмутимым, благодушным равнодушием. Равнодушие это, или, как он метко, называл, l'indulgence paienne*, являлось у него не в силу христианского всепрощения и смиренномудрия, а в силу глубокого понимания тайников человеческой души и сознания, что иначе, чем так, как есть, — на земле быть не может. (...)

Это равнодушие к внешним проявлениям и условностям жизни в Федоре Ивановиче

* Языческое снисхождение *(франц.)*.

превосходило всякие вероятия и было тем удивительнее, что по своему образу жизни он всецело принадлежал к придворной среде и чувствовал себя в ней, как рыба на дне речном. Окруженный строгим придворным этикетом, Федор Иванович умудрился всю жизнь свою оставаться независимым, произвольным и, что называется, вполне сам себе властелином; он ни перед кем не заискивал, со всеми был ровен, прост и самобытен. Чуждый какого бы то ни было расчета, никогда не думавший ни о какой карьере, Федор Иванович искренно не видел разницы между людьми. Для него человеческий род делился на две половины — на людей интересных и людей скучных, а затем ему было безразлично, с кем судьба столкнула его: с наивысокопоставленнейшим ли сановником или самым простым смертным. И с тем и другим он держал себя совершенно одинаково. Дорожа своей придворной службой и ключом камергера[3] лишь постольку, поскольку они открывали ему доступ в высшие, а потому и наиболее интересные, сферы, Федор Иванович в остальном держал себя вполне независимо. Нередко, участвуя в дворцовых церемониях, Тютчев, когда они ему в достаточной мере надоедали, преспокойно покидал свое место и возвращался к себе домой, не заботясь о том, какое впечатление произведет такое самоволие.

(...) Летом Ф. И. ходил всегда в пледе и в своем неизменном цилиндре, причем цилиндр этот, будучи раздвижным (шапо-

кляк), надевался им иногда раздвинутым только с одного бока, что, конечно, вызывало у встречных невольные улыбки. (...)

Выше я говорил, что с моего отъезда в 1870 году в Москву и до смерти Ф. И. (1873 г.) я видел его два раза. В первый раз в лицее цесаревича Николая, в Москве, куда он приехал ко мне, а второй — незадолго до его смерти, в Петербурге. О втором свидании, хотя и позднейшем, у меня почему-то осталось настолько смутное воспоминание, что я боюсь как бы невольно не впасть в неточности, а потому, минуя его вовсе, скажу несколько слов о первом.

Наше свидание произошло на площадке лестницы лицея, так как Ф. И., страдая подагрой, не хотел подниматься наверх в приемный зал и предпочел остаться на первой площадке, где стоял небольшой деревянный диван.

Пока мы сидели и разговаривали, слух о его приезде быстро разнесся по всему лицею, и тотчас же на лестницу высыпало множество воспитанников, преимущественно старших классов, которые, впрочем, соблюдая приличие, издали с жадным любопытством разглядывали знаменитого поэта. Некоторые, под разными благовидными предлогами, спускались вниз и, проходя мимо Ф. И., низко ему кланялись, на что Тютчев отвечал добродушными кивками головы, сопровождаемыми ласковой улыбкой.

Привожу нарочно это обстоятельство, чтобы показать, насколько молодежь 70-х годов умела чтить выдающихся писателей,

с которыми была знакома не только понаслышке, но и с их произведениями. (...)

Я пропустил сказать, что раньше того, когда мы еще сидели с Ф. И. на лестнице, к нам подошел тогдашний сверстник, некто Г.[4] (впоследствии известный профессор), мальчуган лет 11, и совершенно серьезно произнес, обращаясь к Ф. И. по-французски:

— Я знаю почти все ваши стихотворения наизусть.

— А какое из них вам нравится больше всего? — добродушно улыбаясь, спросил Ф. И.

— Конечно, «Люблю грозу в начале мая»! — с энтузиазмом воскликнул маленький Г.

Тютчев еще раз улыбнулся и, как большому, пожал ему руку.

Тут будет кстати сказать, что Ф. И., когда обращался к детям, что, впрочем, было очень, очень редко, держался с ними совершенно особенного тона, совсем как бы со взрослыми, и, к удивлению, дети понимали его с полуслова, хотя он говорил с ними вовсе уже не детским языком. Как и почему выходило так, — это тайна его гения.

(...) Вскоре после смерти Ф. И. известный славянофил Иван Сергеевич Аксаков написал замечательную книгу под заглавием «Биография Ф. И. Тютчева»[5], в которой он попутно с биографическими сведениями о самом Тютчеве мастерской рукой развертывает широкую панораму политической жизни России и Европы за время 1820—

1873 годов. (...) при всех огромных достоинствах, книга эта, как биография, страдает одним существенным недостатком: она далеко не выясняет нам характера Ф. И. Тютчева во всей его полноте и не дает ответа на весьма естественный вопрос, рождающийся у каждого, кто, не зная Тютчева лично, познакомится с ним исключительно лишь по этой биографии, а именно: как могло случиться, что такой поистине гениальный человек, как Ф. И., обладавший неисчерпаемыми научными сведениями, сверхъестественной проницательностью в вопросах внешней политики, имевший дар зачаровывать слушателя и заставлять невольно соглашаться с ним, (...) в сущности, прошел если и не совсем бесследно, то, во всяком случае, не сыграв в истории России и десятой доли того, что он при его данных должен был сыграть?

Ведь если строго разобраться в том наследии, которое Ф. И. оставил своей родине, то оно невелико, во всяком случае, неизмеримо меньше того, что мы были бы вправе от него ожидать. Как поэт, по дарованию едва ли уступающий Пушкину и Лермонтову, он оставил всего только несколько десятков небольших стихотворений[6] (...), не дал ничего крупного, законченного, в чем бы его образ запечатлелся, как в зеркале, на вечные времена. (...) Но если поэтическое наследие, оставленное Ф. И., невелико, то еще меньше осязательных, реальных последствий его общественной деятельности. (...) Ф. И., в сущности говоря, разме-

нялся на мелочи и всю свою гениальность, все свои богатые дарования растратил в разговорах. В разговорах, правда, чрезвычайно умных. (...) В этом случае я позволю себе сравнить Ф. И. с первоклассным певцом, очаровывающим современников, (...).

В своей книге И. С. Аксаков, сознавая сам небольшую продуктивность деятельности Тютчева, объясняет это явление отчасти его скромностью, отчасти прирожденной ленью, непривычной к обязательному труду, и равнодушием к внешним выгодам жизни. Бесспорно, все эти факторы имели место, но скорее, как следствие, а не как причина. Потому-то Федор Иванович и был ленив и равнодушен, что в его характере имелась черта, красной нитью прошедшая через всю его жизнь и парализовавшая его деятельность, заслонявшая от него все иные интересы и не дававшая ему удовлетворения ни в какой иной сфере. Составитель биографии — Иван Сергеевич Аксаков, конечно, лучше кого другого знал роковую причину, помешавшую Федору Ивановичу во всей полноте и яркости развить свои изумительные дарования, (...). Пощадив самолюбие некоторых лиц, Иван Сергеевич тем самым значительно затемнил ясное понимание характера и натуры Тютчева, показав его как бы с одной стороны. Я готов допустить, что в то время такое отношение Аксакова к описываемому им лицу, пожалуй, имело свой raison d'être*, но теперь,

* Резон (*франц.*).

тридцать лет спустя после смерти Федора Ивановича, когда почти никого из близких ему по крови лиц не осталось в живых, нет причин скрывать истину, без которой немыслимо никакое научно-историческое описание и исследование.

Причина, о которой я заговорил и которая, как тормоз, задержала Федора Ивановича на его блестящем поприще, было его какое-то особенное, даже редко встречающееся в такой степени, обожание женщин и преклонение перед ними.

(...) Федор Иванович в сердце своем воздвиг великолепный, поэтический храм, устроил жертвенник и на нем возжег фимиам своему божеству — женщине. (...) Федор Иванович поверг к стопам своего божества лучшие свойства своей души, все свое свободное время, весь блеск своего таланта... Чуть ли не первое и во всяком случае лучшее юношеское стихотворение Федора Ивановича было посвящено женщине; ему тогда было всего только 18 лет, (...)

Федор Иванович, всю жизнь свою до последних дней увлекавшийся женщинами, имевший среди них почти сказочный успех, никогда не был тем, что мы называем развратником, дон-Жуаном, Ловеласом... Ничего подобного. В его отношениях не было и тени какой-либо грязи, чего-нибудь низменного, недостойного (...) даже в тех случаях, когда судьба сталкивала его с женщинами пошлыми и недостойными, он сам оставался нравственно чист и светел духом, (...). В свои отношения к женщинам он

вносил такую массу поэзии, такую тонкую деликатность чувств, такую мягкость, что (...) походил больше на жреца, преклонявшегося перед своим кумиром, чем на счастливого обладателя. Лучшие его стихотворения посвящены женщинам, но ни в одном из них вы не отыщете и тени чего-либо не только циничного, сладострастного, (...), но даже игривого, легкого, необдуманного.

(...) натура Федора Ивановича была именно такова, что он мог искренно и глубоко любить, со всем жаром своего поэтического сердца и не только одну женщину после другой, но даже одновременно.

Женившись в первый раз 23 лет (в 1826 г.) по страстной любви на вдове (...), г-же Петерсон, урожденной графине Ботмер, Федор Иванович прожил с ней 12 лет, до 1838 года, когда жена его умерла. По свидетельству знавших его в то время, Тютчев был так огорчен смертью жены, что, проведя ночь подле ее гроба, поседел от горя в несколько часов; но менее чем через год мы его видим уже вторично женатым на одной из первых красавиц того времени, урожденной баронессе Пфеффель. Брак этот, заключенный опять-таки же по страстной любви, не был, однако, особенно счастливым, и у молодой женщины очень скоро появились соперницы, а через одиннадцать лет после свадьбы Федор Иванович совершенно охладел к ней, отдав всего себя, всю свою душу и сердце новой привязанности[7]. В то время ему было уже под пятьдесят лет, но, тем не менее, он сохра-

нил еще такую свежесть сердца и цельность чувств, такую способность к безрассудочной, не помнящей себя и слепой ко всему окружающему любви, что, читая его дышащие страстью письма и стихотворения, положительно отказываешься верить, что они вышли из-под пера не впервые полюбившего 25-летнего юноши, а пятидесятилетнего старца, сердце которого, должно бы, казалось, давным-давно устать от бесчисленного множества увлечений, через которые оно прошло.

Встретив особу, о которой я говорю, Федор Иванович настолько сильно увлекается ею, что, ни на минуту не задумавшись, приносит в жертву своей любви свое весьма в то время блестящее положение. Он почти порывает с семьей, не обращает внимания на выражаемые ему двором неудовольствия, смело бравирует общественным мнением и если, в конце концов, не губит себя окончательно, то, тем не менее, навсегда портит себе весьма блистательно сложившуюся карьеру. Это увлечение, наиболее сильное во всей его жизни, оставило на ней глубокий след, выбило его, так сказать, из колеи и сделало то, что последние двадцать лет прошли для Федора Ивановича почти безрезультатно в смысле какого бы то ни было творчества.

Как захваченный водоворотом, он бесцельно метался в заколдованном круге нелепых, тяжелых, подчас унизительных условий созданного им самим положения, являясь в одно и то же время и палачом и

жертвой, и когда через 14 лет он потерял ту, которую так безумно и страстно любил, не был уже способен ни на какую активную деятельность. Смерть любимого человека, по собственному его меткому выражению, «сломившая пружину его жизни», убила в нем даже желание жить, и последние 9 лет он просуществовал под постоянным нестерпимым гнетом мучительного позднего раскаяния за загубленную жизнь той, кого он любил и так безжалостно сгубил своей любовью, и под затаенным, но тем не менее, страстным желанием поскорее уйти из этого надоевшего ему мира. (...)

С таким горем в душе Федору Ивановичу, конечно, было не до забот о своем авторстве, не до желаний запечатлеть в памяти потомства (...) свои мысли, и вот в тот период, когда человек подходит к роковой черте, отделяющей его от вечности, и начинает обыкновенно подводить итоги своей деятельности, Тютчев является перед нами еще больше равнодушным, чем когда-либо, и сходит со сцены, как запоздалый гость, спешащий поскорее покинуть опустелый зал, где он проскучал весь вечер. (...)

И. С. Аксаков[1]

ИЗ ПИСЬМА Ю. Ф. САМАРИНУ[2]

18 июля 1873 г.

(...) Сегодня утром схоронили мы Тютчева. Он умер в воскресенье утром, 15 ию-

ля,— вернее сказать — угас, тихо, без страданий, без жалоб, без слов: уже дня три или четыре до смерти его речь, постепенно слабевшая, как бы поникла, не потому, чтоб у него отнялся язык, но потому, что он был слишком слаб и точное выражение мысли было ему слишком трудно. Дней за 6 до смерти он хотел передать какое-то соображение, пробовал его высказать и, видя неудачу, промолвил с тоской: Oh, quel tourment de ne pas pouvoir trouver les mots, pour rendre la pensée*. Последние 6 дней не было при нем никого, кроме его жены, не отходившей от него ни днем, ни ночью. По ее словам, в ночь с четверга на пятницу лицо его приняло такое выражение, так видимо озарилось приближением смертного часа, что для нее не осталось никакого сомнения в наступлении кончины, (...). Он лежал безмолвен, недвижим, с глазами, открыто глядевшими, вперенными напряженно куда-то, за края всего окружающего, с выражением ужаса, и в то же время необыкновенной торжественности на челе. (...)

Приехавши в Царское, я нашел уже гроб закрытым: немедленно после смерти появившиеся два синие пятна на голове скоро охватили все лицо, и началось разложение. Он уже исчез,— что напомнило мне его слова, сказанные дней за 6, за 7: «Я исчезаю, исчезаю!» (...)

---

* Ах, какая мука, когда не можешь найти слова, чтобы передать мысль (*франц.*)

Вчера утром гроб, обвитый цветами, внесли в багажный вагон, куда поместились и мы, близкие и родные, и экстренный поезд железной дороги примчал его в Петербург,— где отвезли его в Новодевичий монастырь и по отпевании опустили в могилу вблизи от могилы дочери, схороненной год тому назад. (...)

На похоронах было очень, очень немного. Петербург теперь пустынен, и то общество, которого Тютчев «был, как говорится, украшением» 30 лет сряду, среди которого он расточал дары своего ума и которое он поддерживал так долго на некоторой интеллектуальной высоте,— изменило ему в последнюю минуту. (...)

Это был последний поэт,— т. е. последний поэт того типа, к которому принадлежали отчасти и Пушкин, и Гете,— последний представитель той художественности, которая являлась не как способность, не как средство и уменье, а как самостоятельная духовная среда, о которую преломляясь, лучи возвышенной, отвлеченной мысли принимали поэтические, конкретные образы в слове и звуках. Конечно, у Тютчева не было того служения искусству, какое видим у всех великих поэтов эпохи. Не уступая, может быть, им в силе дарования, он слишком растрачивался в страстях и сочувствиях жизненных,— слишком беспечно, слишком небрежно относился к своему таланту, слишком мало давал ему значения, (...).

Впрочем, Тютчев замечателен не только как поэт, а еще более как мыслитель, — и

это самое, может быть, и мешало ему удовольствоваться стихотворным выражением мысли. (...)

П. А. Вяземский[1]

ИЗ ПИСЬМА П. И. БАРТЕНЕВУ

1873 г.

Бедный Тютчев! Кажется, ему ли умирать? Он пользовался и наслаждался жизнью и в высшей степени данным от Провидения человеку даром слова. Он не заменим в нашем обществе. Когда бы не бояться изысканности, то можно сказать о нем, что если он и не Златоуст, то был жемчужноуст. Какую драгоценную нить можно нанизать из слов, как бы бессознательно спадавших с языка его! Надо составить по нем Тютчевиану[2], прелестную, свежую, живую, современную антологию. Малейшее событие, при нем совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее перед ним, иллюстрированы и отчеканены его ярким и метким словом.

П. И. Бартенев[1]

ИЗ ПИСЬМА Е. Ф. ТЮТЧЕВОЙ[2]

2 августа 1873 г.

Я узнал его (Ф. И. Тютчева. — *В. Д.*) поздно, встречался с ним редко и то в последние его годы; но в мире нравственном

пришельцы одиннадцатого часа уравниваются с теми, кого пришлось узнать с ранних часов жизненного дня. Я не мог не любить Федора Ивановича, и мне казалось, что и он сочувственно относился ко мне... (...) многоуважаемая Екатерина Федоровна, помогите мне дать читателям «Русского архива» хорошую статью о нем с данными биографическими и сведениями точными. Далекое потомство будет искать этих сведений, и моя обязанность собрать их по свежим следам. (...)

О НОВОМ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ ТЮТЧЕВА

(...) Его лучезарная голова — в неувядаемом венке живой поэзии; высокий строй его мыслей, беспредельная широта его сочувствий, что-то вещее, бывшее в Тютчеве, не умрут, пока сохранится на земле Русское слово и Русское имя. Тютчев оставил немного произведений, но почти каждое из них до сих пор свежо и содержательно, производит живое впечатление, будит в читателе изящную мысль. Это философ и в то же время высокий художник.

(...) В описаниях природы, в раскрытии тайн человеческого сердца, это — поэт-психолог, знаток глубоких, можно сказать, космических ощущений, ведомых каждому, но иной раз едва уловимых. (...) Вы вспомнили какой-нибудь стих, тонкой чеканки и прихотливого узора (а таковы они именно у Тютчева), и вам хочется прочитать снова самое стихотворение, (...).

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ Ф. И. ТЮТЧЕВА[1]

(...) главная прелесть столь небрежного во внешности Федора Ивановича была эта самая небрежность, это полное равнодушие к себе самому, к тем ничтожным подробностям вещественного существования, которые в глазах большинства людей являются первыми условиями жизни. Изящность внешнего убранства, комфорт, самое здоровье, все это проходило как-то незамеченным в глазах Тютчева и не потому, чтобы он сурово осуждал слабости других людей; нет, ничего сурового в нем не было, а просто потому, что на этих предметах не останавливался духовный его взгляд. Его манило другое, более возвышенное зрелище: живая мысль, удачный стих, литературная или политическая новость, чужое несчастье, широкий порыв чувства,— вот что обхватывало Тютчева и не давало ему замечать материальную суету. Его разговор блистал остроумием не из желания ослеплять; нет, беседа давала ему случай выражать то, что он перечувствовал. Двух-трех слов ему было довольно, чтобы определить, осмыслить значение факта. Для иного слушателя фраза казалась заранее приготовленною, а в действительности приготовленною или вернее продуманною была лишь мысль, на воплощение которой слова являлись сами.

И в этих словах, которые во множестве переживут своего автора, никогда не владычествовала ненависть и злоба; нет, шутка с

примесью жалости,— вот все, чем разил Тютчев, то, чего не уважал. Зато с каким жаром заступался он за все то, что имело право войти во святая святых, и как в этом жаре не было ничего напускного, фальшивого; как все это говорилось с тем неподдельным тоном утонченного, благовоспитанного человека, в тех полушутливых, снисходительных, беспредельно вежливых оборотах речи, которые сроднее представителям 18-го века, чем надменным современникам нашего металлического прогресса. Мнения свои Тютчев не навязывал; он уважал чужую свободу в действительности, а не так как записные либералы; продолжительных прений, чаще озлобляющих, чем убеждающих, он избегал. Задачу оратора, полководца, судьи, профессора он не смешивал с уделом собеседника. Переходя от одного предмета к другому, он олицетворял собою тот исчезающий тип разговорщика, без которого тягостна и уныла общественная, комнатная жизнь, особливо в нашем неприветном климате.

Да, искренняя любовь добра, быстрая, острая мысль, талантливое слово, мягкие приемы, и все это скрепленное опытом — вот редкая смесь достоинств, делавшая столь привлекательною дружбу Тютчева. С ним нисходит в могилу много такого, чему по ходу человеческих событий не суждено вскоре цвести среди нас; в нем Русское общество теряет представителя хороших качеств и прошедшего, и настоящего (...).

ПИСАТЕЛИ, ПОЭТЫ, КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТЫ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Н. А. Некрасов

РУССКИЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПОЭТЫ

(Г. Ф. Т/ютче/в и его стихотворения. 1836—1840)

(...) В 1836 году Пушкин основал новый журнал «Современник». (...) с третьего же тома в «Современнике» начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности, мысли и прелести изложения, столько, одним словом, поэзии, что, казалось, только сам же издатель журнала мог быть автором их. Но под ними весьма четко выставлены были буквы «Ф. Т.» (...).

Прежде всего скажем, что хотя они и присылаемы были из Германии, но не подлежало никакому сомнению, что автор — русский: все они написаны были чистым и прекрасным языком, и многие носили на себе живой отпечаток русского ума, русской души. Подпись Ф. Т-в, вместо Ф. Т., появившаяся вскоре под одним из них, окончательно подтвердила, что автор их — наш соотечественник. (...)

(...) стихотворения г. Ф. Т (ютчева) принадлежат к немногим блестящим явлениям в области русской поэзии. Г (осподин) Ф. Т (ютчев) написал очень немного; но все написанное им носит на себе печать истинного и прекрасного таланта, нередко самобытного, всегда грациозного, исполненного мысли и неподдельного чувства. Мы уверены, что если б г. Ф. Т (ютчев) писал

более, талант его доставил бы ему одно из почетнейших мест в русской поэзии.

Главное достоинство стихотворений г. Ф. Т (ютчева) заключается в живом, грациозном, пластически верном изображении природы. Он горячо любит ее, прекрасно понимает, ему доступны самые тонкие, неуловимые черты и оттенки ее, и все это превосходно отражается в его стихотворениях. (...) Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, — дело величайшей трудности. Г (осподин) Ф. Т (ютчев) в совершенстве владеет этим искусством. (...)

(...) Каждое слово метко, полновесно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее. Нечего уже и говорить, что утро у г. Ф. Т(ютчева) не похоже на вечер, а полдень на утро, как это часто случается у некоторых и не совсем плохих поэтов. (...)

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та, кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

(...) Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце; вот почему мы нисколько не задумались бы поставить г. Ф. Т(ютчева) рядом с Лермонтовым; жаль, что он написал слишком мало. (...) каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов.

(...) стихотворение, которое принадлежит к лучшим произведениям г. Ф. Т(ютче)ва, да и вообще всей русской поэзии:

II

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край;
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени шумел Дунай;

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в даль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,—

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и с замком, и с тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно в даль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

(...) нет сомнения, от такого стихотворения не отказался бы и Пушкин. (...) Любовь к природе, сочувствие к ней, полное понимание ее и уменье мастерски воспроизводить ее многообразные явления — вот главные черты таланта г. Ф. Т(ютчева). (...)

(...) Немного написал г. Ф. Т(ютчев), но имя его всегда останется в памяти истинных ценителей и любителей изящного наряду с воспоминаниями нескольких светлых минут, испытанных при чтении его стихотворений. История литературы также не должна забыть этого имени. (...)

(...) Несмотря на заглавие наших статей («Русские «второстепенные» поэты»), мы решительно относим талант г. Ф. Т(ютче)ва к русским первостепенным поэтическим талантам (...).

(...) эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения...

И. С. Тургенев

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

(...) мы не могли душевно не порадоваться собранию воедино разбросанных доселе

стихотворений[1] одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина[2] — Ф. И. Тютчева.

Мы сказали сейчас, что г. Тютчев один из самых замечательных русских поэтов; мы скажем более: в наших глазах, как оно ни обидно для самолюбия современников, г. Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше всех собратов по Аполлону. Легко указать на те отдельные качества, которыми превосходят его более даровитые из теперешних наших поэтов: (...); но на одном г. Тютчеве лежит печать той великой эпохи, к которой он принадлежит и которая так ярко и сильно выразилась в Пушкине; в нем одном замечается та соразмерность таланта с самим собою, та соответственность его с жизнью автора — словом, (...) составляет отличительные признаки великих дарований.

Круг г. Тютчева не обширен — это правда, но в нем он дома. Талант его не состоит из бессвязно разбросанных частей: он замкнут и владеет собою; в нем нет других элементов, кроме элементов чисто лирических; но эти элементы определительно ясны и срослись с самою личностию автора; от его стихов не веет сочинением; (...), то есть они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве, и по этому драгоценному качеству мы узнаем, между прочим, влияние на них Пушкина, видим в них отблеск его времени.

(...) каждое его стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как ог-

ненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления; (...) мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им, и сама его проникает нераздельно и неразрывно. Исключительно, почти мгновенно лирическое настроение поэзии г. Тютчева заставляет его выражаться сжато и кратко, как бы окружить себя стыдливо-тесной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слитые вместе, и он большею частию высказывает их единым образом, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что он не думает ни щеголять своим ощущением перед другими, ни играть с ним перед самим собой. В этом смысле поэзия его заслуживает названия дельной, то есть искренней, серьезной. Самые короткие стихотворения г. Тютчева почти всегда самые удачные.

Чувство природы в нем необыкновенно тонко, живо и верно; но он, говоря языком, не совсем принятым в хорошем обществе, не выезжает на нем, не принимается компонировать и раскрашивать свои фигуры. Сравнения человеческого мира с родственным ему миром природы никогда не бывают натянуты и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническим тоном, не стараются служить пояснением какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся в голове автора и принятой им за собственное открытие. Кроме всего этого, в г. Тютчеве заметен

тонкий вкус — плод многостороннего образования, чтения и богатой жизненной опытности. Язык страсти, язык женского сердца ему знаком и дается ему. Стихотворения г. Тютчева, почерпнутые им не из собственного родника, как-то «Наполеон» и др., нам нравятся менее. В даровании г. Тютчева нет никаких драматических или эпических начал, хотя ум его, бесспорно, проник во все глубины современных вопросов истории.

(...) для того, чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одаренным некоторою тонкостию понимания, некоторою гибкостию мысли, не остававшейся слишком долго праздной. Фиалка своим запахом не разит на двадцать шагов кругом: надо приблизиться к ней, чтобы почувствовать ее благовоние. (...) Г-н Тютчев может сказать себе, что он, по выражению одного поэта, создал речи, которым не суждено умереть; а для истинного художника выше подобного сознания награды нет.

ИЗ ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА

А. А. Фету. 27 декабря 1858

(...) Что же касается до вашего спора о Тютчеве с Марьей Николаевной[1] — о Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии...

Я. П. Полонскому[2] 28 сентября 1872

(...) Прилагаю официальное письмо к Ф. И. Тютчеву: неофициально скажи ему,

что я его люблю по-прежнему и жму ему крепко руку. (...)

21 февраля 1873

(...) Очень мне жаль Ф. И. Тютчева. Сказывают — он поправляется... (...) В его годы — после таких ударов — не поправляются. Одним светлым и чутким умом, одним хорошим человеком на свете меньше. (...)

П. В. Анненкову[3]. 18 января 1873

(...) Ф. И. Тютчев, как Вы, может быть, уже знаете, поражен параличом и без языка. Очень мне его жалко: умный и милый был человек; (...).

А. А. Фету 21 августа 1873

(...) Глубоко жалею о нем. (...) Милый, умный, как день умный, Федор Иванович! Прости-прощай! (...)

Н. В. Сушков[1]

ОБОЗ К ПОТОМСТВУ С КНИГАМИ И РУКОПИСЯМИ

Из живых теперь у нас стихотворцев всех ближе к Лермонтову и ни на волос не ниже Лермонтова, это, если я не заблуждаюсь,— Ф. И. Тютчев, (...). То же раздумье, то же разочарование по временам, даже леность утомленной души; но гораздо меньше небрежностей и недосказов. (...) Пишучи, не по страсти, а кой-когда, по внезапному

вдохновенью, как бы импровизатор, Тютчев часто проявляет в своих стихах силу и яркость воображения, порой женскую, нервическую восприимчивость и раздражительность, иногда просто музыкальное настроение души.

Первые вспышки его поэтической наклонности, разбросанные на клочках бумаги, по столам и углам дома, занимаемого им в Мюнхене, были без ведома импровизатора, собраны и доставлены кн. И. С. Гагариным Пушкину, который тотчас угадал в них своего собрата по Аполлону и напечатал его тетрадь в «Современнике». Из позднейших вспышек Тютчева, помещенных в «Москвитянине»[2] и в трех «Раутах», некоторые отличаются мужеством стиха; — про другого сказал бы: отделкою; про него этого сказать нельзя, потому что он не отделывает и не сочиняет, а накладывает на бумагу случайно сложившиеся в его голове или сердце стихотворения. (...) Что касается настоящего его направления, оно обнаруживает в нем более поэта-мыслителя, нежели поэта-мечтателя. (...)

К. С. Аксаков[1]

ОБОЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(...) Недавно вышло собрание его стихотворений[2], из которых многие написаны давно, но, вновь изданные и перечтенные, они доставили новое наслаждение. Г. Тютчев — это поэт, имеющий свою особен-

ность. В его стихах замечаем мы несколько главных мотивов, которым подчиняются все или почти все его стихотворения, по крайней мере все те, которые имеют положительное достоинство. С одной стороны, сочувствие поэта направлено к природе, к этому вечно стройному миру, к его прекрасным явлениям, исполненным такого бесконечного спокойствия, как бы ни были они бурны и грозны; в особенности весна отражается со своею вечною прелестью в стихотворениях нашего поэта.

С другой стороны, сочувствие поэта направлено к внутреннему миру человека, к тем таинственным глубинам и безднам души, где возникают призраки, где родятся мечты, где носятся видения, откуда исходит безумие, к миру не мысли ясной и не фантазии головы, но к миру снов, ощущений, предчувствий, какого-то таинственного осязания бесконечности, какого-то смутного чуяния беспредельности, невместимости, чуяния, граничащего с безумием, предощущающего хаос. Таковы прекрасные стихотворения «О чем ты воешь, ветр ночной?» (стр. 28), «День и ночь» (45), «Сон на море», «Ветер мглистый и ненастный» (60) и др. (...)

Никто, сколько мы знаем, не касался так выразительно (...) психической стороны человека. Понятно, что поэт, для которого доступна эта тревожная сторона души, этот страшный разлад, этот внутренний ужас бесконечного, понятно, что такой поэт с увлечением бросается к природе и отдыхает

на ее стройном, вечно неизменном и вечно разнообразном просторе. Ничто так не способно устроить возмущенную душу, как природа; в ней бьется ровный и мерный каданс*, вносящий лад в тревожный личный мир. Но кроме этих двух стремлений нашего поэта, указанных нами, в нем есть иное. Он сочувствует историческому ходу человечества, он сочувствует народу, своему народу, его современным и грядущим судьбам, его назначению и призванию. (...)

Вот наше мнение о г. Тютчеве как поэте. Мы распространились более, нежели нужно это в общем обозрении, но г. Тютчев вполне этого заслуживает. (...)

Н. А. Добролюбов[1]

«ТЕМНОЕ ЦАРСТВО»

(...) Судя по тому, как глубоко проникает взгляд писателя в самую сущность явлений, как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни,— можно решить и то, как велик его талант. Без этого все толкования будут напрасны. Например, у г. Фета есть талант, и у г. Тютчева есть талант: как определить их относительное значение? Без сомнения, не иначе, как рассмотрением сферы, доступной каждому из них. Тогда и окажется, что талант одного способен во всей силе проявиться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы; а

* Такт, ритм.

другому доступны, кроме того, — и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. В показании всего этого и должна бы, собственно, заключаться оценка таланта обоих поэтов. (...)

А. А. Фет[1]

О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. ТЮТЧЕВА[2]

(...) Два года тому назад, в тихую осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и по мере того, как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали во глубине еще тончайшие блестки и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева. Можно ли в такую тесную рамку (я говорю о небольшом объеме книги) вместить столько красоты, глубины, силы, одним словом, поэзии! Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снял бы дагерротипически все небо

г. Тютчева с его звездами 1-й и 2-й величины, т. е. переписал бы все его стихотворения. Каждое из них — солнце, т. е. самобытный светящий мир, хотя на иных и есть пятна; но, думая о солнце, забываешь о пятнах.

(...) Говоря о мысли, мы везде будем подразумевать — поэтическую; (...) г. Тютчев постоянно является полным, самобытным, а потому нередко причудливым и даже капризным ее властелином. Поэтическая сила, т. е. зоркость г. Тютчева, изумительна. Он не только видит предмет с самобытной точки зрения — но видит его тончайшие фибры и оттенки. (...)

(...) По свойству своего таланта г. Тютчев не может смотреть на природу без того, чтобы в душе его единовременно не возникала соответственная яркая мысль. До какой степени природа является перед ним одухотворенной, лучше всего выражает он сам:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

(...) не только каждое стихотворение, почти каждый стих нашего поэта дышит какою-нибудь тайной природы, которую она ревниво скрывает от глаз непосвященных. Какою эдемскою свежестию веет его весна и юг! Каким всесильным чародеем проникает г. Тютчев в заветную область сна и как

это субъективнейшее явление отделено у него от человека и мощно выдвинуто на всеобщее уразумение. Прислушайтесь к тому, что ночной ветер напевает нашему поэту,— и вам станет страшно. (...) Называя г. Тютчева поэтом мысли, мы указали только на главное свойство его природы, но она так богата, что и другие ее стороны не менее блестящи. Кроме глубины, создания его отличаются неуловимой тонкостью и грацией, вернейшим доказательством силы.

(...) Как ни громадна лирическая смелость,— скажу более,— дерзновенная отвага г. Тютчева — не менее сильно в нем чувство меры. До какой бы степени ни поразили вас сразу смелый, неожиданный эпитет или бойкая метафора нашего поэта, не верьте первому впечатлению и знайте наперед, что это яркие краски живых цветов; они блестящи, но никогда между собой не враждуют. Присмотритесь попристальнее к поразившей вас метафоре, и она в глазах ваших начнет таять и сливаться с окружающей картиной, придавая ей новую прелесть. (...)

Искусство ревниво; оно в одном и том же произведении не допускает двух равновесных центров. Хотя мысль и чувство постоянно сливаются в художественном произведении, но властвовать раздельно и единовременно всей пьесой они не могут. Богатый тем другим элементом, г. Тютчев, как строгий художник, почти никогда не позволяет произведению падать под избытком содержания.

5 Заказ № 5948

(...) мы (...) твердо уверены, что яркому поэтическому огню г. Тютчева суждена завидная будущность не только освещать, но и согревать грядущие поколения. (...)

СВИДАНИЕ С Ф. И. ТЮТЧЕВЫМ

(Из «Моих воспоминаний»)

По поводу последнего моего свидания с Ф. И. Тютчевым в январе 64 года, не могу не приветствовать в моем воспоминании тени одного из величайших лириков, существовавших на земле. (...) Тютчев сладостен мне не столько как человек, более чем дружелюбно ко мне относившийся, но как самое воздушное воплощение поэта, каким его рисует себе романтизм. Начать с того, что Федор Иванович болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи. Но как ни скрывайте благоуханных цветов, аромат их слышится в комнате, и где бы и когда бы вы ни встретили мягких до женственности очертаний лица Федора Ивановича с открытой ли головой, напоминающей мягкими и перепутанными сединами его стихи:

«Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах...»

или в помятой шляпе, задумчиво бредущего по тротуару и волочащего по земле рукав поношенной шубы,— вы бы угадали любим-

ца муз, высказывающего устами Лермонтова:

«Я не с тобой, а с сердцем говорю».

Было время, когда я раза три в неделю заходил в Москве в гостиницу Шевалдышева на Тверской в номер, занимаемый Федором Ивановичем. На вопрос: «Дома ли Федор Иванович?» камердинер-немец, в двенадцатом часу дня,— говорил: «Он гуляет, но сейчас придет пить кофей». И действительно, через несколько минут Федор Иванович приходил, мы вдвоем садились пить кофей, от которого я ни в какое время дня не отказываюсь. Каких психологических вопросов мы при этом ни касались! Каких великих поэтов ни припоминали! И, конечно, я подымал все эти вопросы с целью слушать замечательные по своей силе и меткости суждения Тютчева и упивался ими. (...)

Зная, что в настоящее время он проживал в Петербурге, в доме Армянской церкви, я сказал Як. Петр. Полонскому, бывшему в самых интимных отношениях с Тютчевым,— о желании проститься с поэтом, отъезжающим, как я слышал, в Италию.

— Это невозможно,— сказал Яков Петр.,— он в настоящее время до того убит роковой своей потерей[1], что только страдает, а не живет, и потому дверь его закрыта для всех.

— По крайней мере,— сказал я,— передай ему мой самый искренний поклон.

В первом часу ночи, возвращаясь в гости-

ницу (...), получил от швейцара записку. (...). Раскрываю последнюю и читаю: «Тютчев просит тебя, если можно, прийти с ним проститься». Конечно, я через минуту был снова одет и полетел на призыв. Безмолвно пожав руку, Тютчев пригласил меня сесть рядом с диваном (...), на котором он полулежал. Должно быть его лихорадило и знобило в теплой комнате от рыданий, так как он весь покрыт был с головою темно-серым пледом, из-под которого виднелось только одно изнемогающее лицо. Говорить в такое время нечего. Через несколько минут я пожал ему руку и тихо вышел. (...)

Ф. М. Достоевский

ИЗ ПИСЬМА А. Н. МАЙКОВУ

18 января 1856 г.

(...) Тютчев очень замечателен (...), многие из его стихов превосходны. (...)

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1877 ГОД

(...) Некрасов, действительно, был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с «новым словом». (...) поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее (...).

ИЗ ПИСЬМА С. Е. ЛУРЬЕ[1]

17 апреля 1877 г.

(...) Ф. И. Тютчев, наш великий поэт (...).

ИЗ НЕКРОЛОГА[2]

(...) Федор Иванович Тютчев сильный и глубокий русский поэт, один из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей Пушкинской эпохи.

Л. Н. Толстой

ИЗ ПИСЕМ

А. А. Фету 1871 г. Август 24...26

Последняя поездка моя к вам была самая приятная из всех, которые я делал. (...) Оттуда встретил Тютчева[1] в Черни и четыре станции говорил и слушал и теперь, что ни час, вспоминаю этого величественного и простого и такого глубокого, настояще умного старика.

Н. Н. Страхову[2] 1871 г. Сентября 13

(...) Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы 4 часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя-старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живем и куда

мы пойдем, мы не знаем и сказать друг другу не можем, и мы чуждее друг другу, чем мне или даже вам мои дети. Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым. (...)

А. А. Толстой[3]
1873 г. Января конец... февраля начало.

Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз 10 в жизни; но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь.

А. А. Фету 1876 г. Декабря 6...7?

С вашими стихотворениями выписал я Тютчева, Баратынского и Толстого. Сообществом с Тютчевым, я знаю, что вы довольны. (...)

М. М. Ледерле[4] 1891 г. Октября 25.

Посылаю начатый и неоконченный список для вашего соображения, но не для печатания, так как он еще далеко не полон.

Сочинения, произведшие впечатление

С 20-ти до 35-ти лет

(...)

Тютчева стихотворения . . . . большое.

Шарлю Саломону[5]
1894 г. Сентября 8.

(...) Что ваш перевод[6] Тютчева? Он должен иметь успех у настоящих ценителей поэзии. (...)

И. И. Горбунову-Посадову[7]
1910 г. Октября 24.

Получил листовки[8] (...). Разобрал их на четыре сорта: самые хорошие, хорошие, посредственные и плохие. (...) Третий отдел — выбрал бы самые лучшие стихотворения: Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина. Если мания стихотворства так распространена, то пускай, по крайней мере, они имеют образец совершенства в этом роде.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОКРУЖЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО О ЕГО ОТНОШЕНИИ К ПОЭТУ

А. В. Дружинин[1]

ИЗ «ДНЕВНИКА»

1855 г., 31 декабря.

(...) ...поехал я к Некрасову, где нашел Боткина, Толстого и Тургенева. (...) Читали стихи Тютчева[2], (...).

С. Л. Толстой[3]

МОЙ ОТЕЦ В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ,— ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЕГО О ЛИТЕРАТУРЕ И ПИСАТЕЛЯХ

К стихотворной речи отец вообще относился отрицательно. Он говорил, что поэты связаны размером и рифмой и нередко подгоняют под них свои образы и выражения; они не свободны в выражении своих мыслей. Он ценил только очень немногих поэтов — Тютчева, Лермонтова, Фета и, разумеется, Пушкина. (...)

В. И. Алексеев[4]

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Стихов Лев Николаевич не любил. (...) Однако он очень любил читать стихотворения Ф. И. Тютчева[5]. Раз он привез из Москвы в подарок мне стихотворения Тютчева и

особенно хвалил и часто декламировал два из них:

И гроб опущен уж в могилу,
И все стоят вокруг...

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Произведения Тютчева, отражающие его политические взгляды, не производили на Льва Николаевича никакого впечатления; зато произведения, отражающие его внутренний мир, его отношение к сущности природы, очень нравились Льву Николаевичу. (...)

А. К. Черткова[6]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ

(...) Обсуждали программу сборника стихотворений, доступных по содержанию каждому, даже малограмотному, читателю, и притом хороших по форме. (...)

(...) Лев Николаевич многое посоветовал выкинуть. «Просеивайте, просеивайте как можно строже!» — говорил он. А потом вдруг говорит:

— Что же это вы забыли моего любимого поэта? Вы знаете, кто мой любимый поэт? — спрашивает он, вдруг обращаясь ко мне.

Я замялась и — к стыду моему — совсем оплошала ответом.

— Кто же? — говорю я нерешительно.—

Вы любите Пушкина, я знаю, вы говорили... Но он вошел в список...

— Нет, нет, Пушкин не в счет... Нет, более современный,— подсказывает он.

— Фет? — нерешительно произношу я, зная, что Лев Николаевич дружен с поэтом, но внутренне удивляясь, чувствуя, что его стихи не подходят для нашего сборника.

— Ах нет, нет: у Фета есть, конечно, премилые стихотворения, но он писал для нас, господ-гастрономов, и притом — ни одного идейного, серьезного по содержанию он не написал... Нет, я имел в виду другого,— неужели не догадываетесь?..— И он взглядывает вопросительно на Владимира Григорьевича.

— Тютчев...— произносит тихо Владимир Григорьевич, пощипывая свою бороду и, как мне кажется, смущенный за меня, за мою недогадливость.

— Ах, да, да,— Тютчев! Как это я забыла! — вскрикиваю я, совсем сконфуженная, как срезавшаяся на экзамене гимназистка.

— Ну конечно, Тютчев! — говорит Лев Николаевич: — Как же это вы забыли его? Впрочем, не только вы, его все, вся интеллигенция наша забыла или старается забыть: он, видите, устарел... Он слишком серьезен, он не шутит с музой, как мой приятель Фет... И все у него строго: и содержание и форма. Вы знаете какое-нибудь его стихотворение?

Я называю: «Слезы людские»...

— Да, и это, но есть и лучше этого, например «Silentium». Никто не помнит? Так

вот я вам скажу, если не забыл еще... — «Молчи, скрывайся и таи и мысли и мечты свои»...— начинает он тихо и проникновенно, просто и глубоко — трогательно... Голос его слегка дрожит от внутреннего волнения... В памяти быстро запечатлелась вся его фигура во время чтения: (...) ...Голос его звучит глухо и грустно... (...)

Потом Лев Николаевич назвал еще два-три стихотворения Тютчева из его любимых, но тут же сказал:

— Они не подходят к нашему сборнику: слишком тонки, трудны, к сожалению, для понимания...

Н. И. Тимковский[7]

МОЕ ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО С Л. Н. ТОЛСТЫМ

(...) один из его знакомых попросил Льва Николаевича просмотреть стихотворения Тютчева и высказать о них свое мнение, он основательно проштудировал книгу и испещрил ее своими замечаниями: «Тонко... глубоко... поэтично... чутье к природе... просто и изящно»... и прочее в этом роде, ясно указывающее на то, что Лев Николаевич наслаждался при этом, прочувствовал Тютчева, быть может, острее и полнее, чем любой профессиональный критик.

В. Ф. Лазурский[8]

ИЗ «ДНЕВНИКА»

20 июля 1894 г.

(...) ...Лев Николаевич вспомнил стихотворение Тютчева и стал говорить о нем. «По моему мнению, Тютчев — первый поэт, потом Лермонтов, потом Пушкин. Вот видите, какие у меня дикие понятия,— сказал он, обращаясь ко мне.— А у вас как Тютчев считается?» Я отвечал, что совсем мало с ним знаком, что он мало встречается в библиотеках. (...) Лев Николаевич рассказал, что с Тютчевым его познакомили Некрасов[9] (...), Дружинин и др., которые составили первый сборник стихотворений Тютчева[10].

— Так не забудьте же Тютчева достать,— сказал Лев Николаевич, когда я с ним прощался.— Без него нельзя жить.

21 июля 1894 г.

Сегодня я достал из библиотеки Тютчева, сидел в зале и читал. Лев Николаевич подходил ко мне, указывал те, которые ему особенно нравятся...

4 августа 1894 г.

(...) Сегодня графиня[11], убирая книги после Страхова в шкафы, спросила, можно ли унести и Тютчева. Я воспользовался этим случаем, чтобы обратиться к Льву Николаевичу за разъяснением его фразы, сказанной когда-то, что Тютчев для него выше Пушкина.

— Я перечитывал Тютчева,— сказал я,— многое превосходно; но все-таки я не могу понять, почему же он выше Пушкина? Ведь Пушкин несравненно шире Тютчева.

— Зато Тютчев глубже его.

— Итак,— продолжал я,— нужно измерить глубину одного и широту другого, чтобы определить, кто из них выше. Задача нелегкая!

Лев Николаевич улыбнулся:

— То есть как выше? (...) Сила Пушкина, по моему мнению, в лирических его произведениях и, главным образом, в прозе. (...). А Тютчев как лирик несравненно глубже Пушкина. Правда, у Пушкина нет таких пошлых патриотических стихотворений, как у Тютчева, хотя и у него «Клеветникам России» и другие.

Д. П. Маковицкий[12]

ИЗ «ЯСНОПОЛЯНСКИХ ЗАПИСОК»

14 февраля 1905 г.

Заговорили о стихах.

— Я вообще не люблю стихов,— сказал Л. Н.— Стихи должны быть очень хороши. Нельзя в них чувствовать la facture*, подыскивание рифм... Тютчев, Пушкин, Лермонтов — одинаково большие поэты.

---

* Технику *(франц.)*.

17 июля 1906 г.

Л. Н. процитировал что-то из Тютчева. Софья Андреевна дополнила. Александра Львовна[13] принесла книгу, и Лев Львович прочел вслух. Потом заговорили о Тютчеве.

Л. Н.: Тютчев был придворный, был приближенным Марии Александровны[14]. В очках, в старом пальто; мы познакомились после Севастополя[15]. «Сделайте мне честь, приезжайте ко мне». Поразило меня его владение русским языком. Хотя он лучше говорил по-французски... (...)

Еще вернулись к стихам Тютчева, которые Л. Н. цитировал. Л. Н. сказал, что мысли и слова вышли так, как нельзя лучше; что это предназначено, это предвечно.

9 ноября 1906 г.

Л. Н.: Американцы достигли наивысшей степени материального благосостояния и упали на низшую степень нравственности, религиозного сознания. На днях бывший здесь Scott[16] — он американский писатель — не знал лучших писателей своей страны. Это так же, как русскому писателю не знать Гоголя, Пушкина, Тютчева.

12 мая 1909 г.

Софья Александровна[17] рассказала мне, что ей говорил Л. Н. про Пушкина: чем старше становится, тем его выше ставит, и что Пушкин останется.

— Прежде,— добавила Софья Александ-

ровна от себя,— Л. Н. выше ставил Тютчева — на первое место, перед Пушкиным.

20 октября 1909 г.

Л. Н.: Тютчев хорош: каждое его слово нельзя заменить другим.

8 марта 1910 г.

(...) Речь о стихах. Л. Н. говорил, что стихи хороши (какие есть у Пушкина, Тютчева), когда нельзя переложить их в прозу; если же чувствуешь, что автор думает в прозе, а переставляет в стихи, тогда нехороши.

Н. Н. Гусев[18]

ДВА ГОДА С Л. Н. ТОЛСТЫМ

19 февраля 1908 г.

С. А. Стахович прочла несколько стихотворений Тютчева: «На смерть Пушкина», «Фонтан», «Не то, что мните вы, природа», которые все понравились Льву Николаевичу.

К числу достоинств Тютчева Лев Николаевич относит то, что он везде выдерживает раз взятый тон. По словам Льва Николаевича, Тютчев хотя и был придворным, но презирал придворную жизнь.

8 января 1909 г.

— Вы не любите стихов? — спросила гостья, г-жа Философова[19].

— Нет,— ответил Лев Николаевич,— кроме самых больших талантов, как Пушкин, Тютчев.

В. Г. Чертков[20]

ЗАПИСИ

8 сентября 1909 г.

Л. Н.: — «И паутины тонкий волос блестит на праздной бороздe»[21]. Мне особенно нравится «праздной». Особенность поэзии в том, что в ней одно слово намекает на многое. (...)

9 сентября 1909 г.

Когда Л. Н. провожал Софью Андреевну, подходя к платформе Крекшино, он почему-то вспомнил стих Тютчева: «Дыханьем ночи обожгло»[22] и умилился.

— Это тютчевская манера, — заметил он, — выразить одним словом целый ряд понятий и контрастов: «морозом обожгло».

А. Б. Гольденвейзер[23]

ВБЛИЗИ ТОЛСТОГО

1899

(...) 7 декабря. (...) На столике у него лежал том Тютчева. (...) Заговорили о Тютчеве. На днях Льву Николаевичу попалось в «Новом времени» его стихотворение «Сумерки»[24]. Он достал по этому поводу их все

и читал, больной. Лев Николаевич сказал мне:

— Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет — это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашел истинное произведение искусства. Я не могу читать без слез. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу.

Лев Николаевич начал прерывающимся голосом:

— «Тени сизые смесились»...

(...) Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но когда он произнес конец первой строфы: «все во мне, и я во всем», голос его оборвался. (...)

1906

21 августа. (...) Лев Николаевич припомнил некоторые стихотворения Тютчева (между прочим, «Не остывшая от зною»[25]), которого он чрезвычайно высоко ценит.

Я спросил его, знал ли он Тютчева. Лев Николаевич сказал:

— Когда я жил в Петербурге после Севастополя, Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, молодому писателю, честь и пришел ко мне[26]. И тогда, я помню, меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах,— он был другом императрицы Марии Александровны в самом чистом смысле,— говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражая мне свое одобрение по поводу моих

«Севастопольских рассказов», особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нем удивила чрезвычайно.

1909

13 августа. С. А. Стахович привезла биографию Тютчева. Лев Николаевич просматривал ее и восхищался многими приведенными там стихотворениями. Как-то позже, (...) он сказал ей:

— (...) Я мало знал Тютчева, но чувствую в нем громадные духовные силы (...).

1 сентября. (...) Это странная вещь,— я стихов не люблю, но понимаю, что ими можно выразить часто гораздо короче и сильнее то, чего иначе так сказать нельзя. (...) Как это у Тютчева?

И паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде[27].

— Здесь это слово «праздной» как будто бессмысленно и не в стихах так сказать нельзя, а между тем, этим словом сразу сказано, что работы кончены, все убрали, и получается полное впечатление. В уменье находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев на это был великий мастер. А странно, я его помню, какой он был: по-французски он охотнее и свободнее говорил, чем по-русски, так что со мной, например, он сейчас же переходил на французский язык. А так любил и знал русскую природу и язык.

В. Ф. Булгаков[28]

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЕГО ЖИЗНИ

25 февраля 1910 г.

За чаем Софья Андреевна начала декламировать стихи Тютчева, и Лев Николаевич поддержал ее, подсказывая и декламируя сам.

— Если стихотворение хорошо,— говорил он,— в нем всякое слово на месте.

Вспоминали и самого Тютчева, которого, кроме Льва Николаевича и Софьи Андреевны, знал и М. С. Сухотин[29].

19 марта 1910 г.

Я иногда записывал в дневнике, что Лев Николаевич цитирует стихи или говорит о них, притом всегда о Пушкине и Тютчеве да еще Фете. Привожу по этому поводу очень интересную выписку из одного сегодняшнего письма Льва Николаевича (к Озеровой[30]):

«Я не люблю стихов вообще. Трогают меня, думаю, преимущественно как воспоминания молодых впечатлений, некоторые, и то только самые совершенные стихотворения Пушкина и Тютчева».

5 октября 1910 г.

Декламировал и хвалил «Silentium!»* Тютчева[31], (...).

* Молчание (*лат.*).

— Это — образец тех стихотворений, в которых каждое слово на месте!

Потом декламировал пушкинское «Когда для смертного...».

— Это — молодой, не удивительно,— говорил Лев Николаевич о Пушкине,— но Тютчев! Я его видал и знал. Это был старичок, тихонький, говорил по-французски, лучше, чем по-русски, и вот такие стихи писал!..

И. Е. Репин[1]

ИЗ ПИСЕМ П. М. ТРЕТЬЯКОВУ[2]

17 января 1873 г.

(...) Сегодня я и без того собирался писать Вам, как вдруг получаю Ваше письмо[3]. Во-первых, о портрете Ф. И. Тютчева: во вторник я был у И. С. Аксакова. Он сказал мне, что надобно подождать неделю, так как Ф. И. начинает только поправляться, и мой приход может произвести на него неприятное впечатление. Следовательно, я примусь за него через неделю. Фотографий его я пока и видеть не хочу, чтобы живее взглянуть на него самого.

6 февраля 1873 г.

(...) У Тютчева я был в пятницу 2 февраля. Он очень болен и притом спал в то время. Видеть его я не мог, сколько ни добивался. Я даже не мог объяснить им мою надобность, то есть старику-камердинеру да камер-фрау-немке. Я просил камер-фрау

написать мне, как только будет возможность его видеть, то есть когда ему будет полегче. Она обещала (я оставил адрес), но едва ли сдержит обещание. Они что-то уж очень безнадежно покачивают головами. Я не утерпел, однако же, и посмотрел две фотографии Ф. И. (не хотелось возвращаться ни с чем): лицо прекрасное, поэтическое, очень моложавое, несмотря на седые волосы, Вы правду говорили — очень интересное лицо. Камер-фрау говорит, что теперь его узнать нельзя, так он изменился.

Признаться, я очень пожалею, если мне не удастся видеть его живым[4].

П. В. Быков[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВ

(Странички из литературных воспоминаний)

(...) — А кого любите из поэтов больше всего? — допрашивал меня Григорьев[2], и когда я, назвав несколько имен, упомянул Тютчева, Аполлон Александрович как-то просиял весь, потрепал меня по плечу и воскликнул: — Это мой божок! При первой возможности подарю вам знакомство с ним... Увидите, что это за умница... Оригинал, острый язык, даровит во всех смыслах... Политик, литературу иностранную изучил до тонкости... Однако светский лентяй, скромник, поэтического дарования своего не ценит, словно пишет стихи мимоходом, между прочим... (...)

(...) знакомство мое с Тютчевым, сверх ожидания, состоялось довольно скоро[3], и я воочию убе́дился в справедливости отзыва о нем Григорьева. (...)

При свидании с поэтом я обратился к нему с целым рядом вопросов, касающихся его стихотворений. Я спросил его, почему, недолюбливая Наполеона, он в одном из них все-таки говорит: «И ум людей великой тенью полн» и вообще как будто со скорбью упоминает о кончине его. Тютчев взглянул на меня со снисходительной улыбкой, скривившей его губы, и про́тяжно ответил мне:

— Неужели вы не поняли, что тут говорит во мне самый упорный, неизменный монархист,— он сделал ударение на последнем слове,— и что для меня всякий монарх несравненно лучше десяти диктаторов и республиканских президентов!

(...) Другой вопрос мой касался уже не политики, а лирики.

— У вас, в прекрасном, известном стихотворении[4] сказано: «поют деревья». Как надо понимать это?

С прежней и еще большей усмешкой он дал такой ответ:

— Вы сами давно стихи пишите, а не хотите знать, что тут дело идет о весне, когда поет вся природа гимны ей... Этот мелодичный говор-лепет древесной листвы разве не напоминает вам какого-нибудь напева? Да, наконец, на деревьях есть пернатые певцы. Ими и поют дерева, как гудящими громкими волнами поет море!..

(...) при следующем свидании Тютчев

был страшно удручен потерями дочери и особы[5], горячо им любимой. Я выразил ему мое соболезнование. Он почти со слезами благодарил меня и сказал: «Нет пределов моему страданью, и нет выше моей любви к той, которая дала мне столько счастья! Испытали ли вы такое состояние, когда все существо проникается, каждая вена, этим всеобъемлющим чувством? (...)» ...«Радость бытия, какую испытывал Тютчев с его философским взглядом на жизнь, теперь не озаряла его лицо, сильно исхудавшее, со впалыми щеками, желтое, как воск. Крепко пожав мне руку на прощанье, он с грустью подал мне листок со стихами, может быть, экспромт и сказал: «Вот вам на память... стон души!» (...)

(...) Как-то сидя у себя, поэт закутался в плед, кто-то из гостей заметил: «Что это Федор Иванович, вы так кутаетесь?» — «Нельзя иначе! — получился ответ: — современная Россия — страна холодная, не зябнут только дипломаты, нагревающие руки... за ее счет!» (...)

(...) Тютчев умел страдать, он не любил полумер ни в искании идеала, ни в искании красоты, ни в увлечении, ни в отвращении к злу. Много пришлось мне видеть писателей — цельных натур, но такой особенно цельной природы, какая была у Тютчева, я не встречал. «Словно рукой гениальной обточена» была личность этого удивительного человека.

А. П. Плетнев[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Выход в свет полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева[2] (издание А. Ф. Маркса) воскресил в моей памяти образ поэта, которого я встречал в нашем доме несколько лет подряд в последние годы его жизни. Давнишний знакомый моего отца, П. А. Плетнева, он остался другом и с моей матерью Александрой Васильевной (рожденной княжной Щетининой), у которой он бывал чуть ли не каждый вечер и которой он посвятил (...) стихи[3] (...).

В то время Ф. И. уже перешагнул за шестьдесят лет (...), но года точно не коснулись ни его ума, ни его воображения. Можно сказать, что до своего последнего часа он жил полной умственной жизнью. (...)

Достаточно взглянуть на портрет Тютчева, на это удивительное, законченное, скульптуральное лицо, черты которого отражают в одно и то же время и ум, и иронию, и доброту, и серьезность, чтобы убедиться, что он был человеком из ряда выходящим. Многогранность ума Тютчева — причина, почему он до сих пор оставался многими непонятым, и только теперь он будто сделался предметом внимания и серьезного изучения.

Западник по воспитанию, по вкусам он является одним из самых ярких истолкователей русской души. Подлинный барин во многих отношениях, аристократ — по роду

службы и по привычкам — трудно было бы найти человека более приветливого в личных отношениях, менее требовательного в удовлетворении собственных нужд. Я, как сейчас, помню его идущим пешком по Невскому медленной, фланирующей походкой, в цилиндре, закутанным в коричневый плед, один конец которого всегда касался тротуара.

(...) При близком изучении Тютчева и при знакомстве с его мировоззрением, кажущиеся в нем противоречия находят объяснение в правдивости его ума. Как русский, он любил Россию, какова она есть, понимал и сочувствовал ее идеалам, но вместе с тем не отвергал все то хорошее, что он видел на Западе. Во многом он опередил современное ему общество, и этим можно объяснить ту позднюю оценку, которую он теперь получает, и признание достоинства его поэзии даже в лагере наших декадентов.

В беседе Тютчев сыпал блестками своего ума, как богач, не боящийся разорения. Владея в совершенстве французским языком, он часто выражался на этом языке, почему очень многие остроумные, часто сатирические, а также глубокомысленные «тютчевианы» потеряны для потомства[4]. (...)

Тютчев был мастер на экспромты, и многие из лучших его стихотворений были сочинены таким образом. Так, напр., вылилось его известное стихотворение «Слезы людские»[5], которое он сочинил, раздеваясь

в передней, по возвращении поздно ночью из гостей, в ненастную дождливую погоду.

(...) Он не оставил большого литературного наследства, но его верно оценил Фет:

Муза, правду соблюдая,
Глядит, и на весах у ней —
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

В. С. Соловьев[1]

ПОЭЗИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Говорят, что в недрах русской земли скрывается много естественных богатств, которые остаются без употребления и даже без описания. Это может, конечно, объясняться огромным объемом страны. Более удивительно, что в небольшой области русской литературы тоже существуют такие сокровища, которыми мы не пользуемся и которых почти не знаем. Самым драгоценным из этих кладов я считаю лирическую поэзию Тютчева. Этого несравненного поэта (...).

(...) важно и дорого то, что он не только чувствовал, а и мыслил как поэт,— что он был убежден в объективной истине поэтического воззрения на природу. (...)

(...) Его ум был вполне согласен с вдохновением: поэзия его была полна осознанной мысли, а его мысли находили себе только поэтическое, т. е. одушевленное и законченное выражение.

(...) прав был наш поэт, когда прекрас-

ное он сознательно принимал и утверждал не как вымысел, а как предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу мира, был убежден в действительности того, что чувствовал.

(...) Тютчев действительно является вполне своеобразным и если не единственным, то наверное самым сильным во всей поэтической литературе (...)

А. А. Потебня[1]

ЯЗЫК И НАРОДНОСТЬ

(...) Ф. И. Тютчев служит превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, или, наоборот, как в предчувствии направления, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек берется за тот или другой из доступных ему языков. Два рода умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздельность, через всю его жизнь, до последних ее дней. Это, с одной стороны, поэтическое творчество на русском языке, с другой стороны — мышление политика и дипломата, светского человека в лучшем смысле этих слов — на французском.

(...) Тютчев представляет поучительный пример не только того, что различные языки в одном и том же человеке связаны с различными областями и приемами мысли, но и того, что эти различные сферы и при-

емы в одном и том же человеке разграничены и вещественно. Во время предсмертной болезни, с половиною тела, пораженной параличом, Тютчев почти до смерти сохранял способность к блестящей французской речи и живой интерес к политике. (...) Между тем власть над стихом и чувство стихотворной меры оставили его гораздо раньше. Он порывался слагать стихи, но ничего не выходило.

(...) Что до замечательных людей, вроде Тютчева, с детства усвоивших себе иностранный язык вместе с богатым запасом содержания и не потерявших способности производить на отечественном языке, то в них деятельность мысли на иностранном языке, без сомнения, происходила в ущерб не только мысли на отечественном, но и общей продуктивности. Он сделал бы больше, если бы при том же таланте и таких же занятиях владел лишь одним языком и знал другие лишь ученым образом настолько, насколько это нужно для возбуждения мысли, идущей по колее родного языка[2]. (...)

П. И. Чайковский[1]

ИЗ ПИСЬМА К. К. РОМАНОВУ[2]

21 сентября 1888 г.

(...) Стих: «нежней мы любим и суеверней»[3] служит превосходнейшим доказательством того, что и русский стих способен к тому чередованию двух- и трехдольного ритма, которое так пленяет меня (...). (...)

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕКРОЛОГИ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ*

А. Г. Жомини[1]

НЕКРОЛОГ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ*

(...) Сегодня, в пятницу, в Ново-Девичьем монастыре ему (поэту Ф. И. Тютчеву.— *В. Д.*) отдали последний долг. Погребальная церемония состоялась в девять часов утра в присутствии семьи и друзей покойного. Не было пышных церемоний, и только глубокая, сдержанная боль и всеобщая скорбь отмечали память этого великодушного человека, (...).

Федор Иванович Тютчев был выдающейся личностью нашего общества, оригинальным и симпатичным человеком. Будучи поэтом по своей глубинной сути, поэтом в самом возвышенном смысле слова, в своих помыслах он возносился к высшим сферам человеческой мысли во всех ее видах, (...), что наряду с живыми и блестящими искрами его незаурядного ума отмечало чрезвычайную широту взглядов. (...) Его произведения, как зрелые плоды, спели и падали сами собой при постоянной работе его мысли. То же можно сказать и о словах, произнесенных им, бесчисленных, тонких, остроумных, которыми изобиловала его речь и которых он не искал специально (...).

Но то, что в высшей степени отличало

---

* Перевод с французского кандидата филологических наук А. Ф. Болейко. На русском языке печатается впервые (в сокращении).

Федора Ивановича Тютчева, так это не только его ум, но горячее сердце, которое было истинным двигателем всей его деятельности. (...)

Его патриотизм, уходящий своими корнями вглубь жизни нации и (...) составлял одну из величайших прелестей и одно из самых важных достоинств покойного.

Не представляя себе жизни без интеллектуальной деятельности, он вобрал в себя все то, чего достиг человеческий ум за долгие века во всех областях — философии, литературе и политике, его эрудиция в этом отношении была универсальной. (...) Думается, что такие умы не должны угасать. Они переживут разрушение плоти благодаря тем проявлениям симпатии, которые они завоевали, благодаря тем росткам света, тепла и жизни, которые проросли из семян, в изобилии посеянных ими на пути, по которому они шли по земле.

Бессмертие любви и памяти обеспечено Федору Ивановичу Тютчеву, (...).

М. Н. Катков[1]

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

(...) Покойный Тютчев принадлежал к людям, которых ценят не столько за то, что они сделали, сколько за то, чем они были. Это была избранная, высоко одаренная натура, душа чуткая и открытая для впечатлений духовного свойства. Не знавшие его лично имеют свидетельство о нем в уцелев-

ших и подобранных родными и друзьями поэтических произведениях, которые выливались невольно из его души, без всякой мысли о публике, и которые так и остались в своем выражении частью его внутреннего мира. При изяществе, которое делает их столь ценным достоянием нашей литературы, они исполнены искренности внутреннего слова души возбужденной и затронутой в своем существе. Федор Иванович скончался на 70-ом году жизни; но он до конца, под своими сединами, оставался юн душою. Это благороднейшее свойство людей, отмеченных дарами духа, которое с такою убедительностью говорит нам о неистощимой жизненности души человеческой, созданной для бессмертия. Общество было для него необходимостью; он постоянно был в людях. Но он также постоянно умел быть один и в шумной толпе. Он в обилии принимал впечатления извне, но они подчинялись течению его мысли. (...)

Речь его, оживляясь, сыпала искрами. Выражения, удивительные по меткости, остроумию и нередко глубине, порождавшие мгновенно ряд ярких мыслей и живых настроений в слушателях, вырывались у него так неожиданно, так внезапно, так добровольно. Душа его отзывалась на все. Удивительное дело, — так много лет, и притом лучших в жизни, провел он в чужих краях, а русское чувство теплилось в нем неугасимо; оно проникало до тайников его души и сказывалось свежо и сильно при всяком возбуждении. Он был исполнен пла-

менного патриотизма, и мы никогда не забудем Тютчева, каким являлся он нам (...)...

В. П. Мещерский[1]

СВЕЖЕЙ ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА[2]

(...) начинаем наше воспоминание о Ф. И. Тютчеве. Лишиться столь доброго гения, значит много потерять в жизни. «Не унывайте, не падайте духом, идите бодро вперед, будьте честны, когда говорите с людьми, и вы увидите, что рано или поздно правда возьмет свое»,— вот что он говорил нам тогда.

Думаем, что никто не станет возражать нам, если скажем, что с кончиною Ф. И. Тютчева мы лишились великого русского поэта. (...) Ф. И. Тютчев писал стихи, точно сам того не ведая, они слагались в его мысли, в данную минуту, под влиянием известного сильного впечатления. Их записывали, они быстро расходились между почитателями поэта и хоть на несколько минут заставляли жить в мире изящного, прекрасного, поднимающего дух. Стихотворения эти разбросаны по журналам разных эпох; вышел однажды томик стихотворений Ф. И. Тютчева, но где найти все им написанное — сказать нелегко, ибо менее всего о том знал сам поэт.

Сказавши, что в кончине Ф. И. Тютчева мы оплакиваем утрату великого русского поэта, сказали ли мы слишком много?

7 Заказ № 5948

Возьмите стихотворения Ф. И. Тютчева какой угодно эпохи, вы в них найдете разные предметы, вы в них почерпнете разные впечатления, но в каждом из них вы найдете одно неизменным: зеркало души его. До последнего (...) он был человеком своего времени, своей эпохи; (...). Неисчерпаемый содержанием дух его не переставал ни на минуту чувствовать, что все прекрасное и великое в человеческом обществе — есть вечное и что все, что этого чувства вечности душе его не дает, все то не есть то прекрасное, которое создает поэта и поэзию. Поэзия Тютчева никогда не была к услугам сильных мира сего, кто бы они ни были — на троне или в литературе; (...) Не было русского чувства радости или печали, которое не побывало в душе Тютчева, не содрогнуло его глубоко, не вызвало в нем отклика, точь-в-точь такого, как и всякого истинно русского человека; но ни разу эта лира не оскорбила даже атомом звука кого бы то ни было, ибо черпала свое вдохновение не там, где люди сходятся во имя страсти, но там, где всех людей, иногда помимо их воли, в силу какого-то неизбежного порыва, соединяет в одно обожание чего-то прекрасного, хотя бы на один только миг.

(...) **Ф. И. Тютчев был,** вероятно, один в своем роде из крупно выдававшихся вперед в обществе мыслителей, про которого можно было сказать: у него нет врагов. Это уважение, которым он пользовался именно как мыслитель, это ощущение людьми мысли прелестей его ума, поэтического

вдохновения и остроумия были как будто наградою его еще на земле за то, что в течение всей долголетней своей жизни он никогда не воспользовался своими чудными духовными дарованиями, как оружием вреда против кого бы то ни было. Он верил в безусловное и непосредственное всемогущество истины и красоты на земле, считая оскорблением того и другого какое бы то ни было проявление насилия вне области мысли. (...) С неисчерпаемым поэтическим чувством, он был неисчерпаемо-остроумен, но это остроумие было потому всегда обаятельно и прелестно, что оно скорее было добродушно, чем едко-зло, и всегда являлось как бы блестящим и удачным выражением для самого простого суждения или душевного чувства, особенно понятного в данную минуту; никогда не было натяжки или усилия в его остроумии, никогда речи напоказ, никогда ничего похожего на фейерверк возбужденной мысли. (...)

Владея обширными познаниями, пополнявшимися постоянным чтением, Ф. И. Тютчев стоял во главе образованных людей нашего общества. Политика и история были любимым занятием его ума и жизни; опираясь на историю, он являлся убедительным, логичным и часто весьма строгим судьею времени и его событий и личностей; (...). Он любил спор и спорил как мало людей умеют спорить: с смирением к своему мнению и с уважением к чужому, хотя уз-

кий взгляд, предвзятое мнение и деспотическое своеволие мысли всегда заставляли его страдать.

Политика и поэзия в самом широком значении этих двух понятий, были сущностью его жизни, (...) в ней (в поэзии.— *В. Д.*), как в мирной пристани, он находил себе утешение от людей, которые делали политические ошибки, и успокоение от событий, тревоживших его душу.

Но у Ф. И. Тютчева был один враг: враг этот была практическая жизнь. В практической жизни он был несведущ и неопытен, как дитя. Небольшого роста, с походкою небрежною, переваливающеюся, он внешним образом как будто выражал внутреннего человека; в этой внешней личности было что-то похожее на небрежность ко всему, что не было духовно, а было вещественно; самое его тело словно казалось ему тягостью, которую он осужден влачить. Находясь по своему положению и связям постоянно в высших слоях общества, он инстинктивно не умел проявлять в своих отношениях к людям какое бы то ни было, даже в оттенках, различие, если даже они по условиям общественного положения стояли и выше его. Он был тот же с подчиненными ему чиновниками иностранного цензурного ведомства, коего был начальником, как с высшими государственными людьми, с которыми постоянно сходился. (...) Везде и всякому он говорил то, что думал, и несмотря на то, что стоял во главе обширного отдела цензуры, не любил стеснения мысли,

чуть только она была искренна и сколько-нибудь благородна.

А. В. Никитенко[1]

ТЮТЧЕВ

(...) Нельзя было не удивляться как богатству сохранившихся в его памяти фактов, так тонкости и верности суждений его о них. Его мысли и взгляды тем более возбуждали к себе внимание и сочувствие, что они возникали не из предвзятых идей, образовались не вследствие какой-нибудь предварительной программы, но были плодом свободного глубокого изучения и наблюдений.

(...) Когда говорят о писателе, то обыкновенно внимание сосредотачивается почти исключительно на его литературных трудах. О его общественном значении, о влиянии, какое он имел на свое общество, независимо от написанного им, мало говорят наши биографы. (...) Между тем в писателе и неписателе для изучения народной психологии и даже для определения степени общественного образования весьма важно исследовать человека, если он что-нибудь значил для своего времени. Занимательность этого знания увеличивается, когда личность человека отмечена особенными дарами природы и нравственного достоинства. Такова была личность Ф. И. Тютчева. Я позволю себе повторить здесь сказанное мною в другом месте. Я не мог бы и теперь ни-

чего прибавить к характеристике его, которая, смею сказать, была плодом внимательного моего изучения качеств, какими проявлял он себя в обществе.

«Тютчев принадлежал к числу людей, призванных всеми свойствами своей души олицетворять собою, поддерживать и возвышать интеллигенцию страны. (...) Ум возвышенный, обширная и богатая образованность, сердце, горячо преданное отечеству, делали Тютчева вполне способным к подобной задаче. Ему дорог был каждый успех всечеловеческого ума, знания, блага; но живейшею радостью его сердца было, когда он мог приветствовать подобный успех в своем народе. Он был, как говорится, человек современный; он сочувствовал всякой научной общественной истине, содействующей облегчению бедствий и лучшему устройству человеческих отношений; но проницательность его ума и зрелая опытность указывали ему и на искажение этих истин, на крайности учений, прикрытых их именем, точно так же, как и на ошибки людей, противящихся осуществлению всякой плодотворной новой идеи под предлогом опасностей, сопровождающих переход от застоя к движению, или единственно потому, что идея эта новая.

Не говоря о служебных и литературных трудах Тютчева, довольно привести на память личное значение, приобретенное им в обществе, чтобы видеть, какую высокую ступень занимал он посреди него в умственном отношении. Есть люди, которых

взгляды на вещи, мнения, простая задушевная беседа в кругу людей мыслящих, составляют как бы пропаганду ума — пропаганду всего честного и великого. (...) Везде, где ни появлялся Тютчев, он производил подобное действие. Начиная с ним беседу, вы всегда могли быть уверены, что услышите или суждение правильное и верное о людях и событиях, интересующих общество, или тонкое замечание о каком-нибудь общем предмете, часто новое и оригинальное, или слово, метко обозначающее то, что в устах другого вращалось смутно и темно. Речь его отличалась своеобразным изяществом: говоря с некоторою расстановкою и медленностью, он поражал вас или неожиданным блестящим оборотом, счастливою какою-то находчивостью, или остроумною, тонкою заметкою на случай, подлежащий осмеянию. Он обладал при этом тою редкою, если можно так сказать, любезностью сердца, которая состоит не в соблюдении светских приличий, хотя ему они очень хорошо были известны, но в деликатном человеческом внимании к личному достоинству каждого, к его праву участвовать в общем обмене мыслей, мнений и убеждений, к его не злоупотребляемой свободе».

Натура столь способная воодушевляться всем, что в природе и человечестве вызывает сочувствие, столь богатая идеями, открытая для принятия всех возвышенных идеалов — натура, какою был одарен Тютчев, не могла не проявляться в живом ощути-

тельном отражении, наиболее близком к подобному настроению духа — в слове. (...) Они (стихотворения Ф. И. Тютчева.— *В. Д.*) принадлежат к тем произведениям литературы, которых лучшая прелесть состоит в их искренности, в отсутствии всякого подготовления. Читая их, вы готовы подумать, что они не написаны, не сочинены, вам может показаться, что это импровизации, кем-нибудь подслушанные и записанные. (...) те стихотворения, о которых мы говорим, были по-видимому произнесены поэтом вслух, без всякого желания, единственно потому, что все сердце его от полноты своих чувствований было, так сказать, на устах. Природа была для него, как для всех возвышенных душ, неиссякаемым источником живейших отрадных ощущений.

(...) Язык Тютчева напоминает лучшую пору языка нашей поэзии — пору Жуковского и Пушкина; язык этот прекрасен по его неукоризненной чистоте, по безыскусственной естественности, по мягкой живописности, чуждый всего жесткого и шероховатого, по легкости и грации, с какими обозначаются у него самые тонкие оттенки мыслей. Если чей-нибудь язык можно назвать верным зеркалом души, для которой говорить, значит чувствовать, то это качество, по справедливости, принадлежит его языку.

Я. П. Полонский[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Еще прошлою зимою можно было нередко встретить в Петербурге на улице, а встретив, нельзя было не заметить, старичка невысокого роста, в шинели или пальто, опущенным с одного плеча, старичка, двигавшегося медленно, как бы сонливо, и мало обращавшего внимания на уличную толкотню. Старичок этот был Федор Иванович Тютчев, (...).

Покойный относился к числу тех людей, которые являются весьма своеобразными, поучительными, оригинальнейшими типами русской жизни, и которых, если и можно встретить у иностранцев, то гораздо реже, чем у нас. (...)

Ф. И. Тютчев относился именно к этим своеобразным русским типам, совершенно необходимым в нашем разрозненном обществе, и отзывы о нем, весьма симпатичные, помещенные по смерти его в повременных изданиях самых различных направлений, доказывают то уважение, или, если хотите, то имя, которым он пользовался. Двух маленьких книжечек стихотворений (издания 1854 и 1868 годов), из которых многие отмечены самым несомненным талантом, было бы все-таки недостаточно для составления этих отзывов. Культурное значение и влияние на общество таких глубоко честных и основательно образованных личностей, каким был покойный Федор Иванович, не-

сомненно и, до поры до времени, гораздо полезнее у нас в России, чем многие томы сочинений и, так называемое, значение в литературе.

(...) Литературная известность Тютчева началась поздно; стихотворения его, собранные в небольшой томик по настоянию И. С. Тургенева, изданы были впервые только в 1854 году особым приложением ко входившему в силу «Современнику». Поэту было (...) за 50 лет. (...)

Да, Тютчев, как и десятки наших талантов, не дал и сотой доли того, что бы он мог дать. Поэт по призванию — он был убежден, что стихи живут два-три мгновенья! (...)

М. М. Стасюлевич[1]

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ[2]

15-го июля скончался Ф. И. Тютчев, на 70-м году от рождения, оставив надолго жить по себе счастливое воспоминание о редких своих душевных качествах; он, казалось, весь состоял из одного сердца, которое только и жило добрым и прекрасным и для доброго и прекрасного. Но природа наградила его сердцем вовсе не на счет ума и таланта, несомненного поэтического таланта, который вырывался иногда на свободу со всею силою и грациею, достойными той плеяды наших прежних маститых поэтов, в среде которой делал свои первые шаги наш тогда еще юный поэт. Все это, конеч-

но, были дары природы, но вот что принадлежит лично покойному: он умел сохранить в целости свою сердечность, целость и безмятежность ума, веру в правду, до самого конца своего жизненного поприща, несмотря на всю, по-видимому, несоответственность его различных общественных положений с его же нравственным обликом. Самая старость в нем казалась только болезненностью,— так мало физическое разрушение, общее всем, касалось его умственной и сердечной жизни!

(...) Ф. И. принадлежал именно к числу людей, которые постоянно живут в настоящем, и потому знавшие даже близко покойного, редко имели случай уловить в его разговоре какую-нибудь подробность из его прошлого, как то часто бывает с людьми, начинающими уже жить одним прошлым.

(...) Говоря же его языком, «средь колебаний и сомнений», он ясно и просто формулировал свои убеждения, и притом с полною искренностью, не допускавшею в нем самом никаких «колебаний и сомнений». (...)

ВЕНОК Ф. И. ТЮТЧЕВУ ОТ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. П. Ростопчина[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

...тощий, престарелый,
Жизнью сломленный поэт,
В ком душа убила тело

И горит духовный свет.
На лице умно-прекрасном,
На измученных чертах
Есть рассказ о горе страстном,
О мучительных борьбах.

1858

Я. П. Полонский[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВУ[2]

Ночной костер зимой у перелеска,
Бог весть, кем запалён, пылает на бугре;
Вокруг него, полны таинственного блеска,
Деревья в хрусталях и белом серебре;
К нему в глухую ночь и запоздалый пеший
Подсядет, и с сумой приляжет нищий брат,
И богомолец, и, быть может, даже леший,—
Но мимо пролетит, кто счастием богат:
К его щеке горячими губами
Прильнула милая,— на что им твой костер!
Их поцелуй обвеян полуснами,
Их кони мчат,— минуя косогор,
Кибитка их в сугробе не увязнет,—
Дорога лоснится, полозьев след визжит,—
За ними эхо по лесу летит,—
То издали им жалобно звенит,
То звонким лепетом их колокольчик дразнит...

Так и к тебе, задумчивый поэт,
К огню, что ты сберег на склоне бурных
лет,
Счастливец не придет. Огонь
под сединáми
Не греет юности, летящей с бубенцами
На тройке ухарской в тот теплый уголок,
Где ждет её к столу кутил живой кружок
Иль полог, затканный цветами.
Но я,— я бедный пешеход,—
Один шагаю я, никто меня не ждет...
Глухая ночь меня застигла,—
Морозной мглы сверкающие иглы
Открытое лицо мое язвят,
Где б ни горел огонь, иду к нему,
и рад,—
Рад верить, что моя пустыня
не безлюдна,
Когда по ней кой-где огни еще горят...
. . . .

[1865 ?]

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

(. . . . .)
У него в душе витала
Вечная весна;
Освежала зной грозою
И, сквозь капли слез,
В тучах радугой мелькала,—
Отраженьем грез!..
Оттого ль, что от бездушья
Иль от злобы дня,
Ярче в нем сверкали искры
Божьего огня,—

С ранних лет и до преклонных,
Безотрадных лет,
Был к нему неравнодушен
Равнодушный свет!
Оттого ль, что не от света
Он спасенья ждал,
Выше всех земных кумиров
Ставил идеал...
Песнь его глубокой скорбью
Западала в грудь
И, как звездный луч, тянула
В бесконечный путь!..
(. . . . .)

[1875 ?]

А. А. Фет[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВУ[2]

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
Твое чело, твой облик милый.

Твоей камене* — повторять,
Прося стихи — я докучаю,
А все заветную тетрадь
Из жадных рук не выпускаю.

* Муза.

Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,
Я одного прошу — чтоб ты
Во всех был видах предо мною.

Вот почему спешу, поэт,
К тебе я с просьбой и поклоном:
Пришли в письме мне твой портрет,
Что нарисован Аполлоном.

1862

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Прошла весна — темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный;
Опять сухую грудь земли
Взрезает конь и вол покорный.

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый!
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный!

1866

НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Вот наш патент на благородство,—
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

(. . . . .)

Но муза, правду соблюдая,
Глядит — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Декабрь 1883

П. А. Вяземский[1]

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

(. . . . .)

Внимая непогоды шуму
И глядя на метель кругом,
Он в тяжкую впадает думу
О настоящем и былом.

Измены счастия и моря
Пришлось изведать старику,
И много бед, вражды и горя
Он вынес на своем веку.

(. . . . .)

Но солнце прежнее пылало
И, верность к падшему храня,

Его средь скорби утешало
Сияньем праздничного дня.

Ему и небо улыбалось,
Дышал и воздух теплотой,
И море синее ласкалось
К нему приветливой волной.

Он мог, любуясь красотою
Небес и зеркальных зыбей,
Предаться неге и покою
На лоне матери своей.

Украдкой, в сладостной дремоте,
Мог скорбь и язвы забывать,
И в безвозвратном их полете
Дней прежних призрак вызывать.

Теперь и солнце изменило,
Все небо обложила тьма,
И ворвалася наглой силой
К нему суровая зима.

(. . . . .)

Январь 1864

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Твоя подстреленная птица
Так звучно-жалобно поет,
Нам так сочувственно певица
Свою тоску передает,

Что вчуже нас печаль волнует,
Что, песню скорби возлюбя,
В нас сердце, вторя ей, тоскует
И плачет, словно за себя.

Поэт, на язвы злополучья
Ты льешь свой внутренний елей.
И слезы перлами созвучья
Струятся из души твоей.

1864

П. А. ПЛЕТНЕВУ И Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Вам двум, вам, спутникам той
счастливой плеяды,
Которой некогда и я принадлежал,
Вам, сохранившим вкус, сочувствия
и взгляды,
В которых наш кружок возрос и возмужал,
Вам я без робости, но и не самохвально,
Доверчиво несу тетрадь моих стихов.
(. . . . .)
Писал не для молвы, писал я на безлюдьи,
Читателей моих круг страшно поредел:
Жуковский с Пушкиным мои бывали судьи;
Я старых потерял, а новых
не обрел.
Но вы остались мне, в вас память их
живая,
Вы публика моя, вы мой Ареопаг:
В вас свято теплится еще любовь родная,
Которою светлел домашний наш очаг.
(. . . . .)
Кого ж, когда не вас, дней лучших
старожилы,

На скромный праздник мой мне в гости
пригласить?
Других, любезных нам, не вызвать
из могилы:
Что время разнесло, того не воротить.
Доволен буду тем, когда своей хандрою
Я вас разжалоблю иль шуткой рассмешу.
Примите вы мой дар с радушной
простотою,
С любовью, как и я его вам подношу.

Июль 1864

А. Н. Апухтин[1]

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Ни у домашнего, простого камелька,
Ни в шуме светских фраз и суеты салонной
Нам не забыть его, седого старика,
С улыбкой едкою, с душою благосклонной!

Ленивой поступью прошел он жизни путь,
Но мыслью обнял все, что на пути заметил,
И перед тем, чтоб сном могильным
отдохнуть,
Он был, как голубь чист и как младенец
светел.

Искусства, знания, событья наших дней,—
Все отклик верный в нем будило неизбежно,
И словом, брошенным на факты и людей,
Он клейма вечные накладывал небрежно...

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались нежданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнию мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!

[Между 1873 и 1875 гг.]

А. Н. Майков[1]

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Народы, племена, их гений, их судьбы,
Стоят перед тобой, своей идеи полны,
Как вдруг застывшие в разбеге бурном
волны,
Как в самый жаркий миг отчаянной борьбы
Окаменевшие атлеты...
Ты видишь их насквозь, их тайну ты постиг,
И ясен для тебя и настоящий миг,
И тайные грядущего обеты...
Но грустно зрячему бродить между слепых,
«Поймите лишь,— твердит,— и будет
вам прозренье!
Поймите лишь, каких носители вы
сил,—
И путь осветится, и все падут сомненья,
И дастся вам само, что жребий вам судил!»

[1873]

Ф. И. ТЮТЧЕВ[2]

Есть чудный старец между нас:
Всегда — хотя на миг вас встретит —
Он что-нибудь в душе у вас
Своею мыслию осветит.

А. Н. Яхонтов[1]

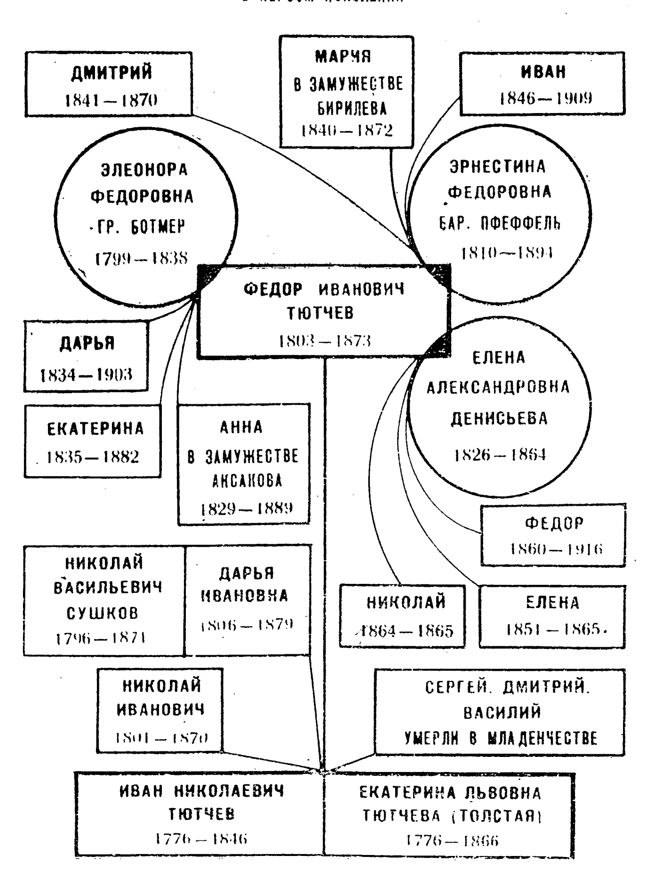
ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

От мира в бытие иное
Ты светлым духом отлетел,
Переступил, свершив земное,
Существования предел.
Ты угасал, но сердце жило,
И ум сиял, как божий день,
Роскошной прелестью и силой...
Не весь исчез ты за могилой
И не сошел в немую тень —
Нет, с ореолом вдохновенья
Под говор жизни ты уснул,
Ты слился с вечностью творенья,
В любви и свете утонул.
И словно отблеск сфер блаженных,
Оставил здесь лучистый след
Умом твоим запечатленных
Идей изящных и бесед.
Да, полные благоуханья
Цветы и перлы прежних дней —
Твоей поэзии созданья —
Бледнеют в творчестве сиянья
Маститой старости твоей!
Поэт, тебя переживая,
Молва венец тебе сплела...
А мощь и речь твоя живая
В предсмертном вздохе замерла.

1874

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СЕМЬИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В ПЕРВОМ ПОКОЛЕНИИ

СРЕДИ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ

С. Е. Раич

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Печатается (с сокращениями) по тексту первой публикации в журнале «Русский библиофил» (1913, № 8, с. 24—25, 27).

[1] Раич (наст. фамилия Амфитеатров) Семен Егорович — поэт, переводчик, журналист. С 1812 г. — воспитатель Ф. И. Тютчева. Вот краткая характеристика, данная учеником своему первому учителю:

Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье — быстро...

[2] Шереметева Надежда Николаевна (1775—1850) — тетка поэта.

[3] Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, критик, профессор красноречия и поэзии в Московском университете.

[4] Квинт Гораций Флакк (65 — 8 гг. до н. э.) — римский поэт.

[5] Публий Вергилий Марон (70 — 19 гг. до н. э.) — римский поэт.

[6] Тютчев отбыл к русской дипломатической миссии в Мюнхен 11 июня 1822 года.

[7] Муравьев Николай Николаевич (1768—1840) — писатель и общественный деятель.

М. П. Погодин

ВОСПОМИНАНИЯ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Печатается (с небольшими сокращениями) по тексту первой публикации в газете «Московские ведомости» (1873, № 190, 29 июля).

[1] Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, проф. Моск. ун-та, с 1841 года — акад. Петерб. АН. Товарищ Тютчева по Московскому университету. О нем поэт писал в четверостишии (29 декабря 1871 г.):

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.

[2] Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель.

[3] «Агатодемон» — один из поздних романов Виланда, ставящий философские и общественно-политические проблемы. Роман был опубликован автором в своем журнале «Аттический музей» в 1796 году. В этом романе легендарный образ Аполлона, названного Агатодемоном, под пером писателя существенно меняется в духе своего времени.

[4] Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — реакционный профессор археологии и теории изящных искусств Московского университета. Известна эпиграмма поэта под заглавием «Харон и Каченовский» (см. отрывок).

ХАРОН

Неужто, брат, из царства ты живых —
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов
божиться,

Что дух нечистый твой давно в аду
томится!

КАЧЕНОВСКИЙ

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был — отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...

[5] Первый свой отпуск в России Тютчев проводит в конце 1825 года.

[6] Тютчев прожил за границей с 1822 по 1843 год.

П. В. и И. В. Киреевские

ИЗ ПИСЕМ

Печатаются (в отрывках) по публикациям в журнале «Русский архив» (1905, кн. 2, № 5, с. 130—131; 1907, кн. 1, № 1, с. 78—79, 83).

[1] Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — публицист и переводчик, собиратель фольклора. Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — публицист и критик, брат П. В. Киреевского.

[2] Тютчев Иван Николаевич (1768—1846) — отец Ф. И. Тютчева.

Эл. Ф. Тютчева

ИЗ ПИСЕМ

Печатаются извлечения по публикации О. Пигаревой «Из семейной жизни Ф. И. Тютчева. 1832—1838» в сборнике «Звенья» (М.— Л., 1934, т. 3—4, с. 264—265, 274, 284, 286).

[1] Тютчева Элеонора Федоровна (1799—1838), урожд. графиня Ботмер (в первом браке Петер-

сон) — первая жена Ф. И. Тютчева. Ее памяти поэт посвятил стихотворение «Еще томлюсь тоской желаний...»

[2] Тютчев Николай Иванович (1801—1870) — брат Ф. И. Тютчева.

[3] Гагарин Григорий Иванович (1782—1837) — князь, русский посланник в Мюнхене с 1833 по 1837 год.

[4] Потемкин Иван Алексеевич (1778—1850) — русский посланник в Мюнхене с 1828 по 1833 год.

[5] Так Элеонора Федоровна называла своего мужа.

[6] Тютчева Екатерина Львовна (1776—1866), урожд. Толстая — мать Ф. И. Тютчева.

[7] Усиленные занятия и заболевание ревматизмом головы, тяготение мюнхенской жизнью пагубно отражались на настроении Тютчева.

[8] Тютчевы испытывали материальные затруднения.

В. А. Жуковский

ИЗ «ДНЕВНИКА»

Печатается (извлечение) по тексту издания: «Дневники В. А. Жуковского» (С.-Пб., 1903, с. 428—429, 468).

[1] Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт. В стихотворении «17-е апреля 1818» Тютчев пишет:

На первой дней моих заре,
То было рано поутру в Кремле,
То было в Чудовом монастыре,
Я в келье был и тихой и смиренной,
Там жил тогда Жуковский незабвенный.
(. . . . .)
Мнилось мне всегда,
Что этот раннего событья самый час

Мне будет на всю жизнь благим
предзнаменованьем,
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Под этим кротким, благостным влияньем
(. . . . .)

Поэт посвятил Жуковскому стихотворения «Я видел вечер твой...» («Памяти В. А. Жуковского») и «Прекрасный день его на Западе исчез...»

[2] Осенью 1838 года умерла первая жена поэта — Элеонора Федоровна.

ИЗ ПИСЬМА П. А. ПЛЕТНЕВУ

Печатается (отрывок) по тексту издания: «Сочинения и переписка П. А. Плетнева» (Спб., 1885, т. 3, с. 127).

[1] Местечко в Германии.

[2] Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, публицист, поэт, один из основоположников славянофильства.

П. А. Плетнев

ЗАПИСКА О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ СТАТСКОМ СОВЕТНИКЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ ТЮТЧЕВЕ

Печатается (с сокращениями) по тексту сборника «Учен. записки Второго отд-ния имп. Акад. наук» (1859, кн. 5, с. LVII—LIX).

[1] Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт и критик, редактор журнала «Современник» с 1838 по 1846 год, в 1840—1861 гг.— ректор Петербургского университета, академик.

[2] Тютчев произведен в действит. статск. советники в апреле 1857 года.

[3] Из письма И. С. Гагарина поэту от 12 июня 1836 года узнаем: «(...) со стихами познакомился

также Пушкин; я его потом видел,— он ценит их как должно и отзывался мне о них весьма сочувственно».

[4] 29 октября 1857 года Тютчев был избран в члены-корреспонденты Академии наук по отделению русского языка и словесности.

ИЗ ПИСЕМ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ И В. А. ЖУКОВСКОМУ

Печатаются (в извлечениях) по тексту издания: Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3 (Спб., 1885, с. 401, 417, 516, 621, 659).

[1] Смирнова Александра Осиповна (1809—1882, по другим данным 1810—1882), урожд. Россет — мемуаристка, одна из примечательных женщин своего времени.

[2] Личная жизнь Тютчева омрачилась рядом тяжелых утрат: 4 августа 1864 года умерла от чахотки Е. А. Денисьева, 2 мая 1865 года умерла их 14-летняя дочь Елена, а на другой день — сын Николай.

А. Ф. Тютчева

ИЗ «ДНЕВНИКА»

Печатается (со значительными сокращениями) по текстам изданий: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. Вып. 1. (М., 1928, с. 116, 117, 118, 128, 129); Вып. 2. (М., 1929, с. 16, 49—50, 85).

[1] Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), в замужестве Аксакова,— старшая дочь поэта, автор мемуаров «При дворе двух императоров».

[2] Эрнестина Федоровна, мачеха Анны.

[3] Ф. И. Тютчев в это время увлекался спиритизмом.

[4] Имеются в виду события Крымской войны.

О своих переживаниях поэт делится с женой: «По-видимому, то же недомыслие, которое наложило свою печать на наш политический образ действий, сказалось и в нашем военном управлении, да и не могло быть иначе. Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения — ничто не было пощажено, все подвергалось этому давлению, всё и все отупели». (См.: Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1980, с. 167—168).

Е. А. Денисьева

ИЗ ПИСЕМ М. А. И А. И. ГЕОРГИЕВСКИМ

Печатается (с извлечениями) по тексту книги: Чулков Г. «Последняя любовь поэта (Елена Александровна Денисьева)». М., 1928, с. 123, 124, 125.

[1] Денисьева Елена Александровна (1826—1864) — последняя любовь поэта. Рано лишившись матери, воспитывалась и жила у своей тетки, инспектрисы Смольного института. О ней А. И. Георгиевский (муж ее сестры) пишет: «...природа одарила ее большим умом и остроумием, большою впечатлительностью и живостью, глубиною чувства и энергией характера; «Ф. И. Тютчев и его время». М., 1978, с. 155). Ф. И. Тютчев посвятил ей ряд стихотворений, впоследствии получивший название «денисьевского цикла».

[2] Георгиевская Мария Александровна (1831—1916), урожд. Денисьева — сестра Е. А. Денисьевой.

Георгиевский Александр Иванович (1829 или 1830—1911) — журналист, муж М. А. Денисьевой.

в своих воспоминаниях писал о поэте: «Более приятного, более разнообразного и занимательного, более блестящего и остроумного собеседника трудно себе и представить. В его обществе вы чувствовали сейчас же, что имеете дело не с обыкновенным смертным, а с человеком, отмеченным особым даром (...), с гением». (Тютчев Ф. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1980, с. 300 (примечания).

[3] Тютчева Екатерина Федоровна (1835—1882) — дочь поэта.

[4] Тютчева Елена Федоровна (1851—1865) — дочь поэта и Е. А. Денисьевой.

А. В. Никитенко

ИЗ «ДНЕВНИКА»

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту издания: Никитенко А. В. «Дневник». Т. 3 (М., 1956, с. 52, 72, 82, 115, 162, 172, 267, 278, 284, 285, 286, 287, 289). Первоначально — в журнале «Русская старина», 1890, № 10 (часть «Дневника»). Более полное издание — «Записки и дневник». 1804—1877, т. 1—2. Спб., 1905.

[1] Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — литературный критик, профессор, а затем академик Петербургского университета. С августа 1833 года — цензор, сослуживец поэта. Ему Тютчев посвятил свое стихотворение «Бывают роковые дни».

[2] Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881) — писатель, драматург.

[3] Боткин Василий Петрович (1811—1869) — музыкальный и художественный критик, публицист.

[4] Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, драматург.

[5] Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк и писатель.

[6] Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, сослуживец Ф. И. Тютчева.

[7] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, с 1852 по 1861 год профессор Петерб. университета, с 1866 г. редактор-издатель журнала «Вестник Европы».

[8] Ежедневная политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1863—1884 гг.

Д. В. Григорович

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Печатается (отрывок) по тексту издания: Григорович Д. В. «Литературные воспоминания». (М., 1961, с. 113).

[1] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель.

[2] Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856) — музыкальный критик, композитор.

В. П. Мещерский

ИЗ «МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Печатается (с сокращениями) по тексту изданий: Мещерский В. П. «Мои воспоминания». Часть первая. (1850—1865). Спб., 1897, с. 324—327, 441, 442; Часть вторая. (1866—1881). Спб., 1898, с. 49, 194—195.

[1] Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — издатель реакционного журнала-газеты «Гражданин», внук Н. М. Карамзина по матери.

[2] Тютчева Эрнестина Федоровна (1810—1894), урожд. бар. Пфеффель, в первом браке бар. Дернберг — вторая жена поэта.

[3] Написано осенью 1849 года. Эту же версию высказывает и И. С. Аксаков: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал* встретившей его дочери: «Я сочинил несколько стихов» — пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: «Слезы людские, о слезы людские...» (Аксаков И. С. «Биография Федора Ивановича Тютчева». М., 1886, с. 84—85).

[4] Валуев Петр Александрович (1814—1890) — министр внутренних дел с 1861 по 1868 год.

[5] Причиной данного случая явились журналистские ссоры. В 1863 г. Комитет цензуры иностранной был передан в подчинение Министерству внутренних дел. Тютчев продолжал занимать свой пост.

[6] Продиктовано поэтом жене 30 декабря 1872 года.

В. А. Соллогуб

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Печатается (отрывок) по тексту издания: Соллогуб В. А. «Воспоминания». М.—Л., 1931, с. 412—413. Первоначально — в журнале «Исторический вестник», 1886, № 1—6, 11—12.

[1] Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — писатель.

Ф. Ф. Тютчев

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

(Материалы к его биографии)

Печатается (с незначительными сокращениями) по тексту первой публикации в журнале «Исторический вестник» (1903, № 7, с. 189—191, 193—201).

---

* По-французски (перевод составителя).

[1] Тютчев Федор Федорович (1860—1916) — журналист, писатель, сын поэта и Е. А. Денисьевой.

[2] Воспоминания напечатаны под псевдонимом «Ф. Т.», к 100-летию со дня рождения Федора Ивановича Тютчева.

[3] Звание камергера Тютчев получил в 1835 году.

[4] Кого имеет в виду Ф. Ф. Тютчев установить не удалось.

[5] Впервые опубликована в журнале «Русский архив» (1874, кн. 2, с. 6—406).

[6] Сегодня известно 394 стихотворения поэта.

[7] Автор говорит о Елене Александровне Денисьевой.

И. С. Аксаков

ИЗ ПИСЬМА Ю. Ф. САМАРИНУ

Печатается (с сокращениями) по тексту книги: Осповат А. Л. «Как слово наше отзовется...» О первом сборнике Ф. И. Тютчева. (М., 1980, с. 79—82).

[1] Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, славянофил, биограф Ф. И. Тютчева, муж дочери поэта — Анны Федоровны.

[2] Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — общественный деятель, публицист, славянофил.

П. А. Вяземский

ИЗ ПИСЬМА П. И. БАРТЕНЕВУ

Печатается по тексту в сборнике «Известия АН СССР. Серия лит. и языка», 1973, № 6, с. 539. (Публикация К. В. Пигарева).

[1] Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт. Принадлежал к числу ближайших друзей семьи

Тютчевых. Вяземский называл Ф. И. Тютчева своим «сверстником по школе и по преданиям» (Тютчев Ф. И. Сочинения. Т. 2, М., 1980, с. 273.— Примечания Л. Н. Кузиной, К. В. Пигарева). Вяземскому поэт посвятил несколько стихотворений.

[2] Такое издание было осуществлено только после Великой Октябрьской социалистической революции. («Тютчевиана. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева». М., 1922, 53 с.).

П. И. Бартенев

ИЗ ПИСЬМА Е. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Печатается (в сокращении) по тексту сборника: «Известия АН СССР. Серия лит. и языка», 1973, № 6, с. 538—539. (Публикация К. В. Пигарева).

[1] Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — журналист, издатель журнала «Русский архив». На страницах журнала часто появлялись произведения и письма поэта. В письме к Бартеневу 3 декабря 1868 года Тютчев писал: «...По-моему — ни одна из наших современных газет — не способствует столько уразумению и правильной оценке настоящего, сколько ваше издание...» (Тютчев Ф. И. Сочинения. Т. 2. М., 1980, с. 233).

[2] Тютчева Екатерина Федоровна (1835—1882) — дочь поэта.

О НОВОМ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Печатается (отрывки) по тексту статьи из журнала «Русский архив» (1886, № 12, с. 534, 535—536).

ВЫДЕРЖКА ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Печатается (с некоторыми сокращениями) по первой публикации в журнале «Русский архив» (1874, кн. 1, стлб. 1374—1376).

[1] Автор письма до сих пор не установлен.

ПИСАТЕЛИ, ПОЭТЫ, КРИТИКИ, ПУБЛИЦИСТЫ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Н. А. Некрасов

РУССКИЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПОЭТЫ

(Г. Ф. Т-тчев и его стихотворения, 1836—1840)

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту издания: Некрасов Н. А. Сочинения. Т. 3. (М., 1954, с. 361—364, 368—369, 373, 375—376). Первоначально — в журнале «Современник», 1850, т. 19, № 1, янв., отд. 6, с. 56—74.

И. С. Тургенев

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Печатается (с сокращениями) по тексту издания: Тургенев И. С. Собр. соч. Т. 12. М., 1979, с. 174—178). Впервые — в «Современнике», 1854, № 4, отд. 3, с. 23—26. (Подпись: «И. Т.» — в оглавлении «И. С. Т.»).

[1] Речь идет о подборке стихотворений Тютчева, помещенных в приложении к мартовской книжке «Современника» за 1854 год.

[2] В 3-м и 4-м томах пушкинского «Современника» за 1836 год было опубликовано 24 стихотворе-

ния Тютчева под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии».

ИЗ ПИСЕМ И. С. ТУРГЕНЕВА

Печатаются (извлечения) по тексту Полного собрания сочинений и писем: Тургенев И. С. Письма. Т. 3. М.— Л., 1961, с. 254—255; Т. 9. М.— Л., 1965, с. 335; Т. 10. М.— Л., 1965, с. 62, 75, 143.

[1] Толстая Мария Николаевна (1830—1912) — сестра Л. Н. Толстого.

[2] Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт, сослуживец Ф. И. Тютчева и близкий друг его семьи. Письмо Тургенева к Тютчеву неизвестно.

[3] Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — критик, мемуарист.

Н. В. Сушков

ОБОЗ К ПОТОМСТВУ С КНИГАМИ И РУКОПИСЯМИ

Печатается (отрывок) по первой публикации в сборнике «Раут» (1854, кн. 3, с. 350—351).

[1] Сушков Николай Васильевич (1796—1871) — литератор, автор ряда пьес, муж сестры Ф. И. Тютчева — Дарьи Ивановны. В 1851—1854 годах издал три сборника «Раут», в которых были напечатаны стихотворения поэта. Тютчев писал о Сушкове: «Это была прекрасная натура, в которой под детской впечатлительностью таилась незаурядная сила чувств и стремлений...» («Старина и новизна», 1871, кн. 19, с. 258).

[2] Журнал, выходящий в Москве в 1841—1856 годах, редактором-издателем которого являлся М. П. Погодин.

К. С. Аксаков

ОБОЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Печатается (отрывок) по тексту издания: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981, с. 210—211. Впервые — в журнале «Русская беседа», 1857, т. 1, кн. 5.

[1] Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — филолог, историк, писатель, публицист. Брат И. С. Аксакова.

[2] Имеется в виду первый сборник стихотворений Ф. И. Тютчева, изданный в Петербурге в 1854 году.

Н. А. Добролюбов

ТЕМНОЕ ЦАРСТВО

Печатается (отрывок из статьи) по тексту издания: Добролюбов Н. А. Избранные статьи. М., 1977, с. 82. Впервые напечатано в журнале «Современник» (1859, кн. 7, 9).

[1] Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — литературный критик, публицист.

А. А. Фет

О СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф. ТЮТЧЕВА

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту сборника «Мастерская, вып. 2 (М., 1976, с. 42, 46, 47, 48, 52.— Публикация В. Кожинова). Впервые — в «Русском слове», 1859, февр., с. 63—84.

[1] Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт. Тютчев посвятил Фету стихотворение в ответ на посвященное ему:

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

[2] Статья написана в форме письма к критику и поэту Аполлону Григорьеву.

СВИДАНИЕ С Ф. И. ТЮТЧЕВЫМ

(из „Моих воспоминаний")

Печатается (в извлечениях) по тексту издания: Фет А. «Мои воспоминания». 1848—1889. Часть 2. М., 1890, с. 3—5.

[1] Речь идет, вероятно, о смерти Е. А. Денисьевой. Дата (январь 1864) является в воспоминаниях Фета ошибочной, так как Денисьева умерла в августе.

Ф. М. Достоевский

Печатаются выдержки из высказываний по текстам изданий: Ф. М. Достоевский об искусстве. М., 1973, с. 335, 382, 430; Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. Л., 1976, с. 417 (примеч.).

[1] Лурье Софья Ефимовна — корреспондентка Достоевского.

[2] Редакционная заметка в «Гражданине» (1873, 23 июля, № 30), к которой, несомненно, имел отношение Ф. М. Достоевский, являвшийся в то время редактором газеты.

Л. Н. Толстой

ИЗ ПИСЕМ

Печатаются извлечения по тексту изданий: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями.

Т. 1. Изд. 2-е. М., 1978, с. 414; Л. Н. Толстой. Собр. соч. Т. 17. Письма 1845—1886 гг. М., 1965, с. 347, 363, 442; то же. Т. 18. Письма 1887—1910 гг. М., 1965, с. 86, 87, 500; Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 67. М., 1955, с. 220.

[1] Об этой встрече Тютчев телеграфировал жене: «Приятная встреча с автором «Войны и мира» (Г. Чулков. «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева». М.— Л., 1933, с. 220).

[2] Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — литературный критик.

[3] Толстая Александра Андреевна (1817—1904) — двоюродная тетка писателя.

[4] Ледерле Михаил Михайлович (1857—1908) — книгоиздатель и владелец книжного магазина в Петербурге.

[5] Саломон Шарль (1862—1936) — проф. русск. языка в Париже, автор статей о Толстом, переводчик его произведений на франц. язык.

[6] Саломон переводил стихотворения Ф. И. Тютчева прозой на французский язык.

[7] Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1940) — редактор издательства «Посредник», близкий друг Л. Н. Толстого.

[8] Небольшого формата и объема книжечки для народа.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОКРУЖЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО О ЕГО ОТНОШЕНИИ К Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Печатаются извлечения из текстов изданий: «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников». В 2-х томах. Т. 1. М., 1978, с. 73, 216, 258, 259, 415—417, 438; Т. 2. М., 1978, с. 71, 76, 126, 127; «У Толстого». 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. В 4-х книгах. М., 1979. (Лит.

наследство. Т. 90): Кн. 1. 1904—1905, с. 176. Кн. 2. 1906—1907, с. 177, 298. Кн. 3. 1908—1909, с. 411. Кн. 4. 1909—1910, с. 83, 192; Н. Н. Гусев «Два года с Л. Н. Толстым». М., 1973, с. 105, 229; А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого». М., 1959, с. 56, 57, 191—192, 290, 314—315; В. Булгаков. «Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого». М., 1957, с. 119, 145, 410.

[1] Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — литературный критик, журналист, писатель.

[2] По-видимому, это было первое знакомство Толстого со стихотворениями Тютчева. Лев Николаевич позже вспоминал: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато, когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта». (Запись А. В. Жиркевича от 15 сентября 1892 г.— Лит. наследство. Т. 37—38, с. 436).

[3] Сергей Львович (1863—1947) — сын Л. Н. Толстого.

[4] Василий Иванович (1848—1919) — домашний учитель в семье Толстого в 1877—1881 годах.

[5] В сохранившемся экземпляре «Стихотворений» Ф. И. Тютчева (1886 г.) первое цитируемое здесь стихотворение имеет пометы Толстого: «Т» («тютчевское») и «К» («красота»), на втором «Silentium!» — «Г» («глубина»).

[6] Жена В. Г. Черткова, друга и единомышленника Л. Н. Толстого.

[7] Тимковский Николай Иванович (1863—1922) — писатель.

[8] Репетитор детей Толстого.

[9] См. примечание 2.

[10] Инициатором подготовки к печати и редактором первого сборника стихотворений Ф. И. Тютчева был

И. С. Тургенев (1854 г.) (См.: Д. Д. Благой. «Тургенев — редактор Тютчева».— В кн.: «Тургенев и его время». М.— Пг., 1923, с. 144—145).

[11] Софья Андреевна, жена Л. Н. Толстого.

[12] Домашний врач в семье Толстого.

[13] Младшая дочь Л. Н. Толстого.

[14] Великая княгиня.

[15] 23 ноября 1855 года в Петербурге.

[16] Данные об этом писателе установить не удалось.

[17] Стахович Софья Александровна (1862—1942) — знакомая Толстых.

[18] Секретарь Л. Н. Толстого в 1907—1909 годах.

[19] Леопольдина Дмитриевна, певица, двоюродная сестра жены Ильи Львовича, сына Толстого.

[20] Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — один из ближайших друзей Л. Н. Толстого, издатель его произведений.

[21] Строка из стихотворения Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (1857 г.).

[22] Ошибка мемуариста. Указанная строка не из стихотворения Тютчева, а Фета («Осенняя роза»). У Толстого не было этой путаницы имен.

[23] Гольденвейзер Александр Борисович (1875—1961) — пианист и композитор.

[24] Написано Тютчевым в 30-х годах. Толстой читал стихотворение по газете «Новое время» (1899, № 8524, 19 ноября).

[25] Написано поэтом по дороге из Москвы в Петербург 14 июля 1851 г. Толстой поставил возле стихотворения помету «К» («красота»).

[26] Л. Н. Толстой познакомился с Ф. И. Тютчевым на вечере у И. С. Тургенева 23 ноября 1855 года. О посещении поэтом Толстого у него дома сведений не имеется.

[27] Строки из стихотворения «Есть в осени первоначальной...»

[28] Секретарь Л. Н. Толстого в 1910 году.

[29] Сухотин Михаил Сергеевич (1850—1914) — депутат 1-й Государственной думы, зять Л. Н. Толстого.

[30] Корреспондентка Толстого из Казани.

[31] Написано Тютчевым не позднее 1830 года. Это любимое стихотворение Толстого, его он часто читал вслух наизусть. Возле этого стихотворения стоит в сборнике помета Толстого «Г» («глубина»).

И. Е. Репин

ИЗ ПИСЕМ П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Печатаются по тексту издания: И. Е. Репин. Избранные письма в 2-х томах. Т. 1. 1867—1892. М., 1969, с. 53, 54—55.

[1] Репин Илья Ефимович (1844—1930) — живописец, передвижник.

[2] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — крупный деятель русской культуры, основатель Третьяковской галереи.

[3] В нем Третьяков пишет Репину: «Вас, вероятно, удивил такой экспромтный заказ мой портрета. Дело в том, что вдруг узнал о болезни Ф. И. Тютчева, и потому не желал откладывать исполнение его портрета; с Вами же я говорил о том, что не желаете ли сделать для меня портрет с натуры, вот я к Вам первому и обратился; я не знаю, как у Вас договорится это дело, жду Вашего известия; я полагаю, с фотографии придется подготовить, а с натуры окончить, когда Ф. И. будет поправляться и в состоянии сидеть». (Цит. по кн.: Боткина А. П. «Павел

Михайлович Третьяков в жизни и искусстве», 2-е изд. М., 1960, с. 107).

[4] Репину так и не удалось написать портрет Ф. И. Тютчева. Для П. М. Третьякова портрет поэта сделал с фотографии в 1876 году академик портретной и акварельной живописи Степан Федорович Александровский (1842—1906). В письме к художнику И. Н. Крамскому от 10 января 1877 года Третьяков пишет: «Сделайте одолжение, побывайте у Александровского... теперь портрет уже, наверное, у него и скажите мне, как Вы его находите; родные нашли, что желт, губы черны и шея длинна, но, мне кажется, в живописи-то он неважен — ошибаюсь я или нет?» (См. в кн.: Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1960, с. 107—108). Крамскому портрет Тютчева понравился.

П. В. Быков

Ф. И. ТЮТЧЕВ

(Странички из литературных воспоминаний)

Печатается (с сокращениями) по тексту первой публикации в издании: «Тютчевский сборник. 1873—1923». (Пг., 1923, с. 33, 36, 37, 39).

[1] Быков Петр Васильевич (1843—1930) — писатель, библиограф.

[2] Григорьев А. А. (1822—1864) — поэт, критик.

[3] Точную дату знакомства установить не удалось.

[4] Автор имеет в виду стихотворение Тютчева «Сияет солнце, воды блещут...»

[5] В 1864 году умерла Е. А. Денисьева, а в следующем году дочь Тютчева от Денисьевой — Елена.

А. П. Плетнев

Печатается (с сокращениями) по тексту первой публикации в издании: Плетнев А. Собр. соч. Т. 3. Одесса, [1913], с. 13—16.

[1] Плетнев Алексей Петрович (1854—1912?) — писатель и критик, сын П. А. и А. В. Плетневых — близких друзей Ф. И. Тютчева.

[2] Полное собрание сочинений Ф. И. Тютчева. С критико-биогр. очерком В. Я. Брюсова. Изд. 6-е, ред.-изд. П. В. Быков. Спб., изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1911, 694 с..

[3] А. В. Плетневой (1826—1901) Тютчев посвятил стихотворение «Чему бы жизнь нас ни учила...», написанное им в 1870 году.

[4] Сохранившаяся часть опубликована в сборнике «Тютчевиана» (М., 1922, 53 с.).

[5] Относится к 1849 году.

В. С. Соловьев

ПОЭЗИЯ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Печатается (в отрывках) по первой публикации в журнале «Вестник Европы» (1895, № 4, с. 735, 737, 741, 742, 743).

[1] Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт, публицист, критик, философ-идеалист. Сын известного историка С. М. Соловьева.

А. А. Потебня

«ЯЗЫК И НАРОДНОСТЬ»

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту издания: А. А. Потебня. «Эстетика и поэти-

ка». М., 1976, с. 262, 263, 267. Впервые опубликована в 1895 году в журнале «Вестник Европы».

[1] Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891) — филолог-славист, проф. Харьковского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

[2] Данные суждения автора носят субъективный характер. По мнению современной психологической науки, с ним нельзя согласиться. (См.: Б. В. Беляев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1959, с. 40—41, 50—51 и др.)

П. И. Чайковский

ИЗ ПИСЬМА К. К. РОМАНОВУ

Печатается (в извлечении) по тексту издания: П. Чайковский. Полн. собр. соч. Т. 14. «Литературные произведения и переписка». М., 1974, с. 540.

[1] Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — великий русский композитор. Им были положены на музыку стихотворения Тютчева: «Как над горячею золой...», «Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...», «Слезы людские, о слезы людские...»

[2] Романов Константин Константинович (1858—1914) — поэт (печатался под псевдонимом «К. Р.»), пианист, вел. князь.

[3] Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь», написанного между 1852-м и 1854-м годами и посвященного Е. А. Денисьевой.

НЕКРОЛОГИ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

А. Г. Жомини

НЕКРОЛОГ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Печатается (в сокращении) по тексту издания: Аксаков И. С. «Биография Федора Ивановича Тют-

чева». М., 1886, с. 325—327 (приложение). Первоначально в «Iournal de St. Petersbourg» («Петербургская газета»), 1873, 18 июля.

[1] Жомини Александр Генрихович (1817—1888) — старший советник Министерства иностранных дел.

М. Н. Катков

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Некролог

Печатается (с незначительными сокращениями) по первой публикации в журнале «Русский вестник» (1873, № 8, с. 834—837).

[1] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

В. П. Мещерский

СВЕЖЕЙ ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Печатается (с сокращениями) по тексту в журнале «Былое» (1925, № 5, с. 160—162). Впервые напечатано в «Гражданине» (1873, № 31, с. 846—848).

[1] Об авторе см. примечание на с. 127.

[2] По поводу этого некролога Ф. М. Достоевский в письме к жене А. Г. Достоевской сообщает 29 июля 1873 года: «Прошлую неделю начал писать статью и должен был бросить из уважения к Мещерскому, чтоб поместить внезапно присланную им статью о смерти Тютчева,— безграмотную до того, что понять нельзя, и с такими промахами, что его на 10 лет осмеяли бы в фельетонах. Сутки, не разгибая шеи, сидел и переправлял, живого места не оставил». (См. в кн.: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. «Переписка». Л., 1976, с. 83).

А. В. Никитенко

ТЮТЧЕВ

Печатается (с сокращениями) по тексту издания: «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Акад. наук» (1874, т. 11, № 3, с. 12—16, 17—18).

[1] См. об авторе примечание на с. 126.

Я. П. Полонский

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту первой публикации в журнале «Всемирная иллюстрация» (1873, т. 10, № 244, с. 155—158).

[1] Полонский Яков Петрович, см. о нем в примечании на с. 132.

М. М. Стасюлевич

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Печатается (со значительными сокращениями) по тексту первой публикации в журнале «Вестник Европы» (1873, № 8, с. 847—850).

[1] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, журналист, проф. Петербургского университета, с 1866 года редактор-издатель журнала «Вестник Европы».

[2] Некролог напечатан под инициалами «М. С.».

ВЕНОК Ф. И. ТЮТЧЕВУ ОТ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. П. Ростопчина

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Текст и датировка по публикации в журнале «Русский архив» (1900, кн. 3, с. 411). Впервые на-

печатано в издании: Ростопчина Е. Стихотворения. Т. 4. Спб., 1859, с. 313.

[1] Ростопчина Евдокия Петровна (1811—1858) — поэтесса; племянница Н. В. Сушкова, мужа сестры Ф. И. Тютчева — Дарьи Ивановны. Ростопчиной поэт посвятил стихотворения «Как под сугробом снежным лени...», «О, в эти дни — дни роковые...»

Я. П. Полонский

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Текст по изданию: Полн. собр. стихотворений Я. П. Полонского. В пяти томах. Издание, просмотренное автором. Спб., 1896. — «Ф. И. Тютчеву». Т. 1, с. 404—405; «Памяти Ф. И. Тютчева». Т. 2, с. 218—219. Временные рамки написания стихотворений по оглавлению к томам: «Ф. И. Тютчеву» — «1865—1870», «Памяти Ф. И. Тютчева» — «1875—1880». Последняя публикация в сборнике: А. К. Толстой, Я. П. Полонский, А. Н. Апухтин. Избранное. М., 1983, с. 196, 212—213. Стихотворение «Ф. И. Тютчеву» впервые опубликовано в журнале «Современник» (1865, № 4, с. 443), а «Памяти Ф. И. Тютчева» — в журнале «Гражданин» (1876, № 36—37, с. 899).

[1] Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт. Находился в тесных дружеских отношениях с Ф. И. Тютчевым и его семьей.

[2] В ответ на это стихотворение Ф. И. Тютчев написал 30 мая 1865 года четверостишие:

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит — во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

А. А. Фет

Ф. И. ТЮТЧЕВУ (1862). Ф. И. ТЮТЧЕВА (1883)
НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА (1883)

Тексты и датировка по изданию: А. А. Фет. Стихотворения. М., 1970, с. 306, 334, 397. Впервые опубликованы: Ф. И. Тютчеву («Мой обожаемый поэт...») — в кн.: Фет А. А. «Вечерние огни». (Собрание неизданных стихотворений). М., 1883, с. 102; Ф. И. Тютчеву («Прошла весна...») — в журнале «Русский вестник» (1866, т. 61, с. 852); «На книжке стихотворений Тютчева».— В сб.: «Вечерние огни», вып. 2, 1885.

[1] Об авторе см. примечание на с. 133.

[2] Ответное послание Ф. И. Тютчева на стихотворение «Мой обожаемый поэт...» см. в примечании на с. 134.

Фет Афанасий Афанасьевич очень ценил поэзию Тютчева, о чем свидетельствуют приведенные в сборнике его отзывы.

П. А. Вяземский

[1] Об авторе см. примечание на с. 129. С Тютчевым Вяземского связывали дружеские отношения почти сорок лет. В качестве приветствия по случаю дня рождения в 1861 году Тютчев написал стихотворение «Князю П. А. Вяземскому».

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

(„Вот и крещенские морозы!..“)

Текст и датировка по изданию: П. А. Вяземский. Лирика. М., 1979, с. 143—145. Впервые в издании: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. Спб., 1896, с. 41—42.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

(„Твоя подстреленная птица...“)

Текст и датировка по изданию: П. А. Вяземский. Сочинения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. М., 1982, с. 354. Впервые в издании: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 12. Спб., 1896, с. 157.

Ответное на стихотворение Тютчева «О, этот Юг, о, эта Ницца!..»

П. А. ПЛЕТНЕВУ И Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Текст и датировка по первой публикации в сборнике «Утро» (М., 1866, с. 157—158).

В предисловии к этому стихотворению (с. 157) Вяземский пишет: «Сочетание двух приведенных имен не совершенно соответствует хронологическому порядку. Тютчев не принадлежит к первоначальной нашей старине. Он позднее в ней примкнул. Но он чувством угадал ее и во многих отношениях усвоил себе ее предания».

А. Н. Апухтин

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Текст и датировка по изданию: А. К. Толстой, Я. П. Полонский, А. Н. Апухтин. Избранное. М., 1983, с. 277. Первоначально в кн.: «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцоговины». Спб., 1876, с. 384.

[1] Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893) — поэт.

А. Н. Майков

[1] Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт, сослуживец Тютчева по Комитету цензуры иностранной; редактировал собрание его стихов в издании 1886 года. В 1887 году Майков писал своему сослуживцу и биографу М. Л. Златковскому: «...Знакомство с Ф. И. Тютчевым окончательно поставило меня на ноги, дало высокие точки зрения на жизнь и мир, Россию и ее судьбы в прошлом, настоящем и будущем...» (Из примечания в кн.: А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., 1977, с. 836).

Ф. И. ТЮТЧЕВУ

Текст и датировка по изданию: А. Н. Майков. Избранные произведения. Л., 1977, с. 401. Впервые в газете «Русь» (1881, 14 марта).

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Текст по изданию: А. Н. Майков. Избр. произв. Л., 1977, с. 836 (в примечании).

[2] Недатированное четверостишие из архива А. Н. Майкова.

А. Н. Яхонтов

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

[1] Яхонтов Александр Николаевич (1820—1890) — поэт, переводчик, общественный деятель.

Текст и датировка по изданию: «Литературное наследство», 1949. Т. 51—52. Н. А. Некрасов. Кн. 2. М., 1949, с. 420.

Из письма акад. А. В. Никитенко к Н. А. Некрасову от 13 апреля 1874 года читаем: «...На днях был у Вас Яхонтов, не застал Вас дома, он приехал ко мне и просил меня передать Вам для напечатания прилагаемые у сего стихотворение: «Памяти Ф. И. Тютчева». Оно мило и правдиво. (...) С удовольствием исполняю его поручение».

Посланная Никитенко рукопись в журнал «Отечественные записки», редактором которого в это время был Некрасов, в печати не появлялась. Текст стихотворения Яхонтова разыскан К. В. Пигаревым в архиве Мурановского музея в альбоме И. Ф. Тютчева. (Отрывок из вышеприведенного письма и комментарий к нему по изданию: «Лит. наследство». Т. 51—52. Н. А. Некрасов. Кн. 2. М., 1949, с. 420).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

---

* В указатель не включено имя Ф. И. Тютчева. Полужирным набраны номера страниц из примечаний.

Указатель составил В. Г. Дехапов.

СОДЕРЖАНИЕ

Писатели, поэты, критики и публицисты о Ф. И. Тютчеве

Приложения

СОВРЕМЕННИКИ О Ф. И. ТЮТЧЕВЕ

Редактор А. С. Романюк
Художественный редактор А. Н. Гришенков
Технический редактор С. А. Харитонова
Корректор Г. Ф. Шалимова

ИБ № 1239

Сдано в набор 29.12.83. Подписано в печать 26.06.84. ЦП 00628. Формат бум. 70×90¹/₃₂. Типографская № 3. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,29. Уч. изд. л. 5,36. Тир. 20 000 экз. Заказ 5948. Изд. № 66. Цена в обл. — 25 к., в пер.— 40 к. Приокское книжное издательство, г. Тула, Красноармейский пр., д. 25, корп. 1. Типография «Труд», Орел, ул. Ленина, 1.

Д39 Современники о Ф. И. Тютчеве: Сб. лит.-крит., мемуарных и эпистолярных материалов/Сост., подготовка текста и примечания В. Г. Дехачова.

Через современников поэта читатель ощутит богатую духовную натуру Ф. И. Тютчева, соприкоснется с его временем.

В приложениях к сборнику помещены некрологи о Ф. И. Тютчеве, поэтический «Венок Тютчеву» от современников, родословное древо семьи поэта.

Книга рассчитана на специалистов и всех любителей русской поэзии.

83.3Р1

К $\frac{70202-66}{М 154(03)-84}$ 57.84.460301020

25 к.